

16+

Дмитрий Гроссман

Когда река стала
красной

Дмитрий Гроссман

Когда река стала красной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57088903

SelfPub; 2020

Аннотация

Что значит любить? Для каждого это слово имеет своё объяснение. От него нужно отказаться, чтобы любить и быть любимым? Любовь часто является жертвой и ставит перед выбором, приносящим душевную боль. И важно в этой истории только одно – собственное счастье, желание и понимание, что два сердца обязаны быть одним.

*В темноте светила роза
Своими алыми лучами,
И кровавые рассветы
Небо полно заслоняли...*

Глава 1

Во вторник, Татьяна Константиновна встала рано. Раньше, чем было всегда. Как всегда она сразу пошла к образам. Помолилась, а потом, одевшись в пышное платье, по двору пошла, проверять всё. Она каждое утро выходила из дома и гуляла по усадьбе.

Дом был большой, красивый (двухэтажный желтоватый фасад, большие и маленькие окна, под крышей располагался чердак, где хранились уже давно не нужные вещи, одиннадцать разных комнат, четыре из которых были жилые, остальные же прислуживали как библиотека, кабинет и другие), с коридорами между комнатами. Большая усадьба, которую купил когда-то её муж – нынче Татьяна вдова – и перевёз семью сюда. За домом расстилался сад, с двумя яблоньками, грушами и несколькими кустами вишни. Три ели и несколько видов цветов, которые в летнее время отдавали душистым сладким запахом. Татьяне всегда казалось, что деревья посажены по какой-то правильной схеме. Она не раз обращалась к супругу с таким вопросом, но тот только говорил, что эти растения специально так посажены. Это было для Татьяны Константиновны странным. Но в принципе ей это было не очень интересно, её больше занимали разные

цветы, которые она привозила с собой из Франции, Англии и Польши. Татьяна очень любила розы и орхидеи, поэтому у неё этих цветов было больше всего. Весь сад был изложен каменными дорожками, которые подводили к цветам, деревьям и небольшому пруду. Вся эта красота была видна из окна комнаты Татьяны, и она часто, сидя в кресле и вязав что-то, смотрела на красоту летнего зелёного сада, а зимой на усыпанные снегом сухие ветки яблонь и груш, на расчищенные дорожки, и на заснеженные ели. Перед домом всегда было чисто и убрано. А всю усадьбу окружал каменный забор. От этого во двор был внесён уют и спокойствие. Её дочь, когда ещё была маленькой, часто играла со своими подружками во дворе перед домом. Татьяна Константиновна наблюдала за ними и умилялась, вспоминая себя в детские годы и видя свою дочурку. Но теперь её дочка, Наташа, выросла и не бегает босыми ножками по зелёной траве. Ах, как же было хорошо тогда.

Татьяна Константиновна вышла из дома и сразу направилась гулять по саду. Для неё был важен и нужен чистый и свежий утренний воздух, именно поэтому она и выходила. Этим июльским летом цветы пахли ещё слаще и сильнее, что очень нравилось женщине, и пчёл прилетало больше. А их-то Татьяна и не любила, потому что в детстве одна из них её сильно ужалила, и тем самым напугала. Пройдя ещё несколько шагов, по виляющей дорожке, и смотря на пожилые растения, Татьяна встретила Фросю. «Отчего она так рано подня-

лась-то? – подумала женщина. – Я ведь не велела так рано». Фрося, девушка лет двадцати девяти. По старому знакомству с её родителями, Татьяна Константиновна, когда они умерли, взяла сиротку к себе на работу гувернанткой. Как раз в эти времена, когда Фрося пришла в дом Боженых, родилась Наташа, и Фрося принялась за неё следить, учить и играть с ней, когда ей было одиноко. Когда Наташа подросла, и воспитание стало почти уже не совсем нужным, то сиротка стала прислужницей. Фрося стояла около цветов (на ней было надето светлое старенькое платье, с короткими рукавами и средней юбочкой, по низу которой была бахрома), и поливала их, а вокруг них кружили пчёлки. Татьяна подошла к девушке, поотмахивалась от нескольких насекомых и сказала ей:

– Полно, Фрося – добрым, спокойным голосом говорит Боженова, – я сама потом займусь ими. Поди лучше завтрак приготовь.

– Да что вы, Татьяна Константиновна, – так же говорит Фрося, держа леечку в руках, – недолго уже осталось. Я сейчас тюльпаны полью и сразу за завтрак примусь. Я сейчас, сейчас.

Боженова не стала отвечать, хотя она никому обычно не доверяла свои цветы, а только улыбнулась губами и пошла обратно в дом.

Двери в доме закрывались с коротким тяжёлым скрипом и с глухим щелчком. Татьяна медленно поднялась на второй

этаж и направилась в кабинет, который раньше принадлежал её супругу. Она вошла в комнату, прошла к столу и села за стол. В эту комнату очень редко кто заходил из жителей дома. Татьяна всегда говорила Фросе, чтобы она не протирала здесь пыль, не убирала паутину, и вообще не убиралась и не заходила в эту комнату. Здесь оставалась частичка души Боженова. Всё, что они сейчас видят, где живут и как – всё это заслуги отца и мужа. Боженов был богатый купец, потом стал предпринимателем и работал сам на себя. У него была своя контора, пара ресторанчиков в разных частях Петербурга и знакомые люди в высоком присутствии. Он сам сделал себе известное по городу имя, и зарабатывал на всю семью.

Татьяна Константиновна сидела на старом деревянном потемневшем стуле и смотрела на запылённый рабочий стол. Со дня смерти супруга, здесь ничего не изменилось. Всё осталось на своих местах: перья, карандаши, бумаги, папки, старые шкафчики, один комод и даже шторы были не тронуты ни чьей рукой. Это было только его место, где он проводил за бумагами и работой больше всего времени. Боженов мог проводить в кабинете по несколько часов, но при этом он не показывал ни вида усталости и ненависти к своим делам и его окружению. Всё, что его раздражало, и всё, что его злило, он оставлял в пределах своего кабинета.

– На кого же ты нас оставил, Виктор Александрович, – говорила Татьяна, вспоминая мужа и все события, которые они переживали вместе. – Как же нам теперь жить. Вот день-

ги закончатся, что нам делать будет потом? Кто ж нам поможет-то, Виктор. Кто ж меня теперь на работу какую возьмёт, да и что с дочкой делать? А что если я помру? Что потом ей-то делать? За мной, с голоду, уйдёт, если вместе не...

Тут Татьяна Константиновна заметила, под большой папкой, обвязанной грубой бордовой нитью, какой-то конверт, выделяющийся из общей обстановки, который даже не был покрыт пылью. Она аккуратно, тихонечко вытянула заметный конверт и посмотрела на него. На конверте было написано: «После моей смерти, любимой жене Татьяне». Как же странно, подумала женщина. Она осмотрела со всех сторон этот конверт, но больше ничего не обнаружила. Тогда она осторожно открыла его и вынула свёрнутый, в три раза, пожелтевший листок. Татьяна развернула лист и стала читать: «Дорогая Татьяна. Я знаю, что сейчас читаешь это письмо, которое я специально написал для тебя. Да, сейчас меня уже нет рядом с вами, но знайте, что я вас так не оставил. Весь нажитый за долгое время наш капитал, вскоре может закончиться, но на моём банковском счету есть ещё некоторая сумма денег, которая вам очень поможет. Все бумаги, по которой вы сможете забрать деньги, ты найдёшь в моём столе. Правый нижний ящик. Я закрыл его на ключ, ты его возьмёшь под статуэткой богини правосудия. После, как только придёт время, отправляйся за суммой денег. Знайте, что я вас всех очень люблю. И Фросю, и тебя, и мою дочурку Наталью. Я вас люблю и пожелаю счастья. С любовью, отец и муж,

Виктор Александрович Боженов». Под текстом шла длинная роспись.

От прочитанного Татьяна Константиновна прослезилась и одновременно улыбалась губами. Она бы сейчас высказала все-все слова благодарности за благородный поступок своего супруга. Женщина сложила лист обратно, сложила его в конверт и положила его в первый ящик стола. Татьяна встала, глубоко вздохнула и вышла из кабинета мужа. К этому времени уже проснулась Наталья.

Глава 2

Наташа потянулась в кровати, приоткрыла глаза и посмотрела в свежее утреннее окно. Она поднялась, накинула халатик и подошла к зеркалу. Ещё с утра волосы были растрёпаны, однако это ни сколько не расстраивало и не пугало девушку, наоборот, она всегда была рада своей молодой внешности, и всегда улыбалась при виде себя в отражении зеркала. Она взяла бабушкин гребешок и расчесала им свои волосы. Её шелковистые, русые, славянские волосы, теперь были прямые и ухоженные. Наташа не торопясь заплела косу и оделась в лёгкое белое длинное платье с пышными рукавами.

Наталья подошла к окошку и отодвинула прозрачный тюль. В комнату ворвался белый свет. Восход был с другой стороны от дома, и поэтому лучи солнца не попадали в комнату Натальи. Девушка приоткрыла окно. Потянуло свежим прохладным ветерком. Ах, как хорошо, подумала Наталья.

В её глубоких синих, словно тихий океан, глазах отразился сад, тропинки и вся природа их заднего двора усадьбы.

Наташа застелила кровать и быстренько вышла из дома навстречу новому дню. Как только она вышла из своей комнаты, то не заметила, в нескольких шагах от себя, мать. Она наткнулась на неё, но они не стали ругаться, хотя Татьяна Константиновна этого не одобряла. Для женщины важным было хорошее воспитание.

– Ах, маменька, простите, – заговорила, своим ангельским тёплым голоском, Наташа. – Какой чудесный день, словно сегодня должно что-то произойти!

– Полно, Натали. Что это ты такое выдумываешь? – Мать называла её на французский манер. – Что сегодня может такого важного произойти-то? Мне кажется, это обычный день, как и все остальные, – сказала ей мать. Раньше её голос тоже был небесным, но со временем и возрастом чуть потускнел.

– Но Вы же не знаете, что случится завтра!

– И ладно, пусть «завтра» будет завтра, а жить мы будем сегодня, Натали. Да и помнишь ли ты, что сегодня придёт господин Штраус? Может быть, ты это имела в виду? – Татьяна усмехнулась, а дочка ничего не ответила.

Господин Штраус, не тот, который композитор, был учителем немецкого и французского языка для Наташи. Виктор Александрович, её отец, нанял его для обучения дочери, тот, конечно же, согласился. Уж как же откажешь, когда бу-

дут платить не плохие деньги. Сам господин Штраус, отлично знал немецкий, так как по происхождению своему, он австриец, а французский, потому что несколько лет прожил в Париже. Там он так же преподавал немецкий язык. Он всегда приезжал летом в Россию (особенно он любил Петербург), а в остальные сезоны года уезжал обратно в Австрию. Виктор Александрович познакомился со Штраусом, когда был на одном из балов, который устраивала богатенькая семья из высшего общества. Штраус человек уже не молодой, лет так примерно на пятьдесят, – почти ровесник Татьяны, – его выдавала седая короткая борода и волосы, и очки в тонкой оправе. Сам он всегда одевался солидно и ходил с папкой для учебников и бумаг.

Натали пропустила мать вперёд, которая пошагала спокойно и статно, а сама пошла в гостиную, на первый этаж. Девушка присела на большой мягкий диван, на столике она увидела газетку, взяла её и стала читать. В это время в дом вошла Фрося. Наташа заметила её и сказала:

– Ефросинья Дмитриевна...

– Да что Вы, Наталья Викторовна, – сразу перебила её Фрося, но голоса не повысила. Она всегда была смиренная и починалась в работе. Грубость для неё было дикостью, а это было ещё одно достоинство, за которое Татьяна Константиновна взяла её, – называйте меня просто Фрося. К чему так-то? Я же не... – тут она замялась.

– Не кто? – Дружески спросила Наташа, не сводя с неё

глаз.

– Нет, ничего, Наталья Викторовна, я не такая. – Ответила гувернантка и направилась в сторону кухни.

Наташа не поняла, что Фрося имела в виду, она снова окунулась в напечатанный текст петербургской газеты. Фрося же мысленно договорила: «Не такая, как Вы». Через два часа уже должен был прийти господин Штраус, и Наташа дожидалась его. Обычно он приходил к ним по вторникам, четвергам и субботам, к двенадцати часам дня.

Завтрак, спустя десять минут, уже был готов. Гувернантка всё делала быстро и хорошо. Фрося позвала Татьяну Константиновну и Наталью, и все пошли к завтраку.

– Какой сегодня день? – Вопросительно, но умеренно, спросила Татьяна Константиновна за столом, смотря в свою тарелку и отрезая кусочек жареного мяса.

– Среда, Татьяна Константиновна. – Ответила ей Фрося из-за шторы. Она протирала окно.

Тишина.

– Маменька, не хотите ли Вы сегодня прогуляться по Невскому? – Осторожно поинтересовалась Наталья. Она часто гуляла с матерью по Невскому проспекту в детстве, когда была чуть помладше.

– Ах, Натали, – Татьяна посмотрела на дочь, – как же мы можем пойти в город, когда скоро придёт...

– Да знаю я! Знаю! – Лицо девушки вдруг стало печальным.

– Натали! – Вскрикнула Татьяна. За столом, с такими манерами? Женщина это совсем не понравилось такое поведение дочери. – Сегодня ты никуда не пойдёшь. Может, завтра.

Наталья молчала и смотрела в стол. Перечить матери она не могла. Но ей совсем не хотелось, в такой день, сидеть дома. Девушка перевела взгляд вверх, а потом в окно, за которым тянулась с тряпочкой в руке наверх Фрося. Гувернантка медленно опустила руку и посмотрела в окно. «Кажется, к нам кто-то пожаловал» – сказала она и вышла из-за шторы. Она быстро прошагала из кухни в гостиную, а потом вышла из дома и направилась по тропинке к воротам. Татьяна Константиновна отрезала ещё кусочек мяса и положила его в рот. Она переводила взгляд с блюда на дочь, и с дочери обратно на блюдо. Манеры воспитания. А она учила свою дочь им. Всё как в высшем обществе, чтобы Натали могла попасть туда и жить хорошо. Не о чём не переживать. Мечтой, Татьяна Константиновны, была возможность, чтобы вывести дочь в лучшие, в светлую жизнь.

Наталья встала из-за стола и быстро пошла к лестнице, ведущей на второй этаж. «Куда ты?» – спросила её Татьяна, но дочь ничего не ответила. Она опустила голову вниз и даже не посмотрела на мать. Татьяна положила нож и вилку на стол, тяжело вздохнула носом и закрыла глаза. Да, нужно было сказать по-другому. В это время в дом вбежала, с улыбкой на лице, Фрося. Татьяна Константиновна посмотрела на неё, и Наталья тоже остановилась на второй ступеньке и повер-

нула голову. «К нам едет Борис Владимирович!» – громко сказала Фрося. Наталья тихо, с пустыми глазами, произнесла: «Романов», а Фрося, как-то смогла услышать её и только хотела ответить согласием, но в это время со стола, где сидела Татьяна Константиновна, упала ложка. «Ой!» – вскричала, от неожиданности, женщина, а в это время к ней уже бежала гувернантка Фрося.

Глава 3

К двенадцати часам пришёл господин Штраус. Татьяна Константиновна поприветствовала его у входа и пригласила присесть на диван. Женщина сходила за дочерью, которая не хотела спускаться на урок, но мать её всё же привела. Урок начался. Татьяна вернулась к разговору с Романовым, в руках он держал снятый с головы котелок, который пришёл за полчаса до Штрауса.

Романов был человеком известным на весь Петербург и на некоторые районы Москвы. Он часто появлялся на званных балах, даже когда и вовсе не хотел идти, и приходил тогда, когда его не звали, а таких случаев было очень мало. Его общество составляло большое количество известных людей, людей из элиты двух городов, пяти иностранцев друзей и нескольких из обычных торговых богатых магазинов. Романов был младше Татьяны на одиннадцать лет. Романов познакомился с Виктором Александровичем Боженковым в одном из магазинов, когда Борис зашёл к своему другу, а там

оказался Виктор. Отчего-то они начали разговаривать, и их маленький разговор перерос в тёплое дружеское общение. С тех пор он и знает семью Боженых.

– Да что Вы, Борис Владимирович, – засмушалась, мало заулыбалась Татьяна Константиновна, – для чего же нам к вам переезжать? Посмотрите, какой у нас дом. Уж не хотите ли Вы сами к нам переехать?

Романов засмеялся. Они вместе сидели в кухне.

– Ох, Татьяна Константиновна, – даже голос у Романова был солидный и важный, – пожалуй, мы останемся в своих домах. Да, а усадьба у вас просто прекрасная – Он быстро оглядел интерьер кухни и захватил гостиную. – Виктор Александрович постарался за свою жизнь.

В это время Татьяна сбросила свою улыбку, она чуть опустила голову и глаза. Романов это заметил:

– Простите. Я не хотел ворошить прошлое.

– Нет-нет, – она быстро подняла глаза на него и выпрямилась, – ничего. Не думайте об этом. – Она попыталась вернуть улыбку, но это получалось с трудом. Виктор был единственным супругом за всю её жизнь, и ей было тяжело отпустить и потерять его.

К ним подошла гувернантка Фрося и предложила чаю. Романов поинтересовался, есть ли у них кофе (он любил этот напиток, особенно когда он крепкий), но его не оказалось, но Романов не отказался и от чая. «А давайте выйдем в беседку, что в саду. Вы знаете, как я излюбила то место. Какой там

воздух, а вид-то» – сказала Татьяна Романову. Борис подумал, согласился. Татьяна попросила Фросю принести чашки с чаем в беседку.

Наталья всё время, что сидела на диване и учила французский, смотрела на мать и гостя. Романов приезжал к ним чуть ли не каждый день. Бывало через день, через неделю, а бывало что и во все семь дней. Его приезды начинали надоедать Наташе, да и вообще она не жаловала этого старого мужчину. И чего он только приезжает к ним? Своего дома, что ли нет? И общество и работа, и поездки разные, а к ним он всё ходит и ходит. Для чего? Об этом раздумывала Наталья, пока господин Штраус читал предложения на французском, чтобы потом девушка его перевела. Она видела в окно, как её мать взяла его под руку и они медленно проплыли в сторону сада.

– Пожалуйста, переведите это предложение, Наталья Викторовна, – Штраус говорил не без врождённого акцента, а когда он говорил на русском, его было слышно ещё лучше, чем на родном ему. Но девушка, будто его не услышала. Она смотрела в окно. На диване она сидела собрано и занимала очень мало места. – Наталья Викторовна, – позвал его Штраус, – попрошу перевод. Я работаю на результат от наших уроков. Мне кажется, в наше время очень важно и нужно знать иностранные языки, особенно когда их больше, чем один.

– Ах, простите, господин Штраус, – Наталья взглянула на папки и книги, лежащие на низком столике перед диваном, –

я бы перевела, но, простите, не поняла некоторые слова. Вы говорили быстро.

– Наталья Викторовна, Вы случайно не заболели? – Спросил Штраус и, не много наклонив голову, посмотрел на её лицо снизу вверх. – Вы как-то бледны.

Девушка прислонила левую руку к голове, нахмурила брови и закрыла глаза.

– Да, господин Штраус, я как-то неважно себя чувствую. Простите меня, – пыталась она сказать глухим голосом, имитируя выдуманную болезнь.

– Не извиняйтесь, – вернулся в прежнее положение Штраус, – Вам нужно подлечиться, тогда и продолжим обучение.

Господин Штраус стал собирать бумаги. Наталья, продолжая держать руку около головы, следила за ним. Господин встал и направился к входной двери. Наталья быстро вскочила и побежала его проводить. Она ещё раз извинилась перед ним, а он снова сказал, что не стоит извинений. Он всё понимает, однако не знает, что она ничем и не болеет. Наташа проводила его взглядом от двери до ворот, а когда они закрылись за ним, то она побежала в свою комнату. Из окна своей комнатки, девушка наблюдала, даже сама и не зная зачем, за матерью и гостем.

Боженова и Романов прошагали по дорожкам сада до деревянной светлой беседки, находящуюся почти у конца сада, которую построил когда-то её супруг Виктор. Беседка была круглая с лавочками около невысоких стенок, а в центре на-

ходилась прибитый к полу такой же деревянный круглый столик. Всё это накрывала красивая резная крыша. Они сели рядом друг с другом. Татьяна положила левую руку на стол, а Романов, который сидел слева от неё, взял её своей и то слабо сжимал, то разжимал. Он переводил взгляд с деревьев и их рук на её лицо и дом. По Романову было видно, что он волнуется, но Татьяна этого то ли не замечала, то ли не хотела его успокаивать и замечать его состояние.

– Как продвигаются ваши дела, Татьяна Константиновна? В наше-то время дела и заботы – главное. Как-никак, а восемьсот тридцатый год. – Сказал Романов, продолжая бегать глазами по окружению.

– Ах, да какие дела-то у нас, Борис Владимирович, забот больше, – Боженова знала, что и он знает, что никаких дел они не ведут, а живут на оставшиеся деньги. – Если б хотя бы я работала или Наташа.

– Кстати, как Натали? – Спросил Борис. Он предпочитал называть её так, как называет её мать. – Как учёба?

– Иностранные языки учит ладно. Нам хотелось найти других учителей, но как мы будем потом платить? Учёба нынче дорогая.

– А давайте Натали поедет учиться в Москву? У меня там есть квартира, почти в центре, а оплачивать Вам не придётся, – сказал Романов, и на его губах появилась улыбка. Руку Татьяны он не отпускал.

Татьяна Константиновна смутилась, немного покраснела,

покосилась в другую сторону от него, а потом медленно произнесла:

– Что Вы, Борис Владимирович, – она набирала больше воздуха в лёгкие, чтобы не бояться говорить и что-нибудь ответить на его предложение. Женщина посмотрела на Романова, – как я могу отпустить её в такую даль? Точнее, не столько даль, сколько в такой большой город, где происходит множество разных событий.

– Разве Петербург меньше, чем Москва? – Борис прямо посмотрел в её глаза.

Женщина не могла выносить такого взгляда. Она чувствовала, что Романов очень хочет помочь ей и Наталье, помочь дочери выбиться в хорошее общество, но чтобы так... Татьяна не знала, что и ответить. Стоит ей согласиться, и Романов тут же увезёт её в Москву, даст ей жильё, хорошее образование, и всё-всё, что она захочет. Женщина хорошо понимала, что тогда она станет сильно переживать за единственную дочь, и жить спокойно она уже не сможет. А стоит только отказать, от такого заманчивого предложения, то он... хотя Татьяна не знала, что тогда будет.

– Петербург? – Переспросила она и посмотрела на их руки. – Нет, этот город не меньше, чем тот, – забрала свою руку и положила её на платье рядом с другой рукой.

Романов молчал. Она ждала, что он скажет её ещё.

– Вот видите. Вы же знаете, что ей там будет лучше, чем жить никем здесь. А образование? Она так молода, сильна,

резва. Разве Вы хотите погубить всё это? Всю эту ангельскую красоту. Татьяна Константиновна, подумайте над этим ещё. Москва – хороший городок. А какие там люди!

Тут пришла Фрося с подносом, на котором блестели от солнца две фарфоровые чашечки с чаем на блюдечках. Она поставила чашки рядом с Татьяной и Борисом, и быстро ушла обратно в дом. Татьяна молча сидела и смотрела на ель. Романов взял чашечку за ушко, придерживая снизу, и отпил чуть-чуть чая.

– Кажется, я говорил про кофе, – сказал Борис и вернул чашку на стол. – Ваша гувернантка заварила очень крепкий чай.

Татьяна усмехнулась.

– Для чего Вы прислали нам письмо о приезде? – Она искоса посмотрела на него. – Обычно Вы никогда не делали так.

– Я подумал, так будет лучше. – Ответил Борис.

Она снова усмехнулась.

– Брали бы пример с Релицкого. Он никогда не говорит о своём приезде, как нагрянет внезапно. Так мы и принимаем, как родного.

Романов заметно смутился.

– Релицкий? Его отец ещё в правительстве работает, только вот не знаю кем, – он задумчиво смотрел на стол. – Слышал я о них. Хорошая семья говорят. И в деньгах не обижены. Я бы хотел познакомиться с ним. Слышал ещё, что он

образованный молодой человек. Насколько он старше Натали?

– На восемь, – быстро ответила Татьяна и резко повернула голову на него. Борис замолчал. Она смотрела друг на друга. Их взгляды то встречались, то снова расходились. Татьяна снова опустила глаза и спросила: – Право Вы дадите ей хорошее образование и квартиру?

– Я, конечно, образования ей не смогу дать. Учителя в гимназиях. Не волнуйтесь, Татьяна Константиновна, – Романов слегка смущённо заулыбался. Но для чего ему было смущаться, ведь он так долго их уже знает? – сама Москва ей поможет.

Татьяна тоже посветлела. Взяла свою чашку с чаем и отпила. Она согласилась с мнением Романова, что напиток был крепко заварен.

Глава 4

Ночью, когда мать уже легла спать, а Романов давно ушёл, Наташа оделась в плотное синее платье с длинной юбкой и рукавами, на голову навязала тёмно-серый платок. Так она тихонько вышла из своей комнатки, оглядела коридор второго этажа, нет ли кого, и спустилась вниз. Дверь была уже так близко. Она поторопилась к ней, а когда уже взялась за ручку, её позвала гувернантка.

– Куда же Вы, Наталья Викторовна? – Фрося стояла между кухней и гостиной, в ночном платье, с железным подсвеч-

ником, в котором спокойно горела желтоватая свеча, в руке, а волосы были забраны в хвост сзади. – На ночь глядя-то, тем более.

Гувернантка была в удивлении. Она только догадывалась, что девушка куда-то уходит ночью, да и было это разве что два раза. А тут она видит её прямо здесь и сейчас, вот так. Фрося замерла и дожидалась ответа. Она уже начинала думать, что это ей всего лишь мерещится. Наташа отпустила ручку двери и легко и быстренько подплыла к Фросе. Наташа сложила свои руки вместе, словно хотела помолиться. Её глаза были просящими и грустноватыми.

– Фросюшка, уж не выдавай меня маменьке, пожалуйста. Прошу тебя. Разве же ты не знаешь куда я хочу пойти? – Сказала Наташа.

– Ах, Наталья Викторовна, – Фрося немного опустила свечу. Теперь их лица подсвечивались только снизу, – ну как же я Вас выдам? Я знаю, куда Вы собрались. Не беспокойтесь. Я сохраню это при себе. Никто и не узнает, даже и не догадается, что что-то было. Идите. Идите, Наталья Викторовна. Мне бы так, сбежать ночью из дому, да навстречу свежему ветру, луне и звёздам. – Её голос начал дрожать. Казалось, что она вот-вот заплачет. – Да как же! Нет и дома своего, а для чего мне бежать-то? Для чего же? Да, не такая у меня судьба, как у Вас, Наталья Викторовна. А как бы хотелось. Вот так, выйти и побежать! Наталья Викторовна, ну идите же. Скорее, пока нас не услышали. Не волнуйтесь не о чём.

Наташа обняла Фросю и тихо поблагодарила. Потом она снова подошла к двери, бросила взгляд на гувернантку, которая торопила её взглядом, и открыла дверь. Дверь чуть проскрипела, будто специально, но Наташу это не останавливало и даже не волновало. Она выбралась, наконец, из дома. Сбежала по ступенькам на землю и выбежала из их усадьбы. А Фрося, всё так же продолжая стоять между гостиной и кухней, сказала тихо: «Счастливая» и пошла спать.

Наташа ничего не ждала, и, кажется, не уставала куда-то бежать. Она пробежала мимо нескольких домов, пересекла малую часть ночного Петербурга, благо, что на улице было светло. А потом выбралась на какую-то малонаселённую окраину города. Мимо неё проходили люди, восемь человек точно она заметила, как они на неё поглядывали, когда она неслась неизвестно куда.

И только через полчаса, Наталья добралась до нужного ей места. Перед ней стоял старенький полузабытый дом. Этажа три, и часть из них пустовала. Девушка медленно вошла в запылённый подъезд и поднялась на второй этаж, в седьмую квартирку. Наташа робко и тихо постучала два раза. Её пульс участился, дыхание потеплело, кровь словно нагревалась. Она не столько устала от своего короткого путешествия, сколько ждала ответа из-за старой деревянной выцветшей двери. Она прислонилась к двери головой и закрыла глаза. Никто не отвечал. Девушка постучала ещё три раза,

и на этот раз сильнее.

Кто-то зашаркал за дверь. Наташа подняла голову и ждала. Дверь открылась. Перед ней стоял молодой человек. Не очень хорошо был одет; во что-то старенькое. Лёгкая рубашка, широкие поношенные брюки и тапочки.

– Наташа, – просиял паренёк. – Как же я рад тебя видеть!

Он бросился к ней и обнял её. Она отвела тем же. Он, обнимая, поднял её в воздух и занёс в квартирку. Вернул на пол. Наташа и паренёк прошли в маленькую комнату. В гостиную-кухню. Была всего она комната, без балкона, лишь одно деревянное потемневшее окно, старый престарый диван, стул и стол. Паренёк жил не богато, даже очень.

Наташа не хотела садиться, она стояла напротив него и смотрела в его глаза. Он стоял так же и смотрел на неё. Их взгляды были связны. Она стянула с себя платок и бросила его на диван. Её волосы тут же упали на плечи. Он взял её за руки. Тепло, мягко, приятно.

– Как же я рада тебя снова видеть, – произнесла тихо-тихо Наташа.

– Дни без тебя, для меня были, как пытка и испытания, – сказал он. – Каждый день я думал только о тебе, Наташа. Ах, как же ты прекрасна. Если бы ты знала...

– Я знаю! как прекрасен ты, – она прислонила их руки к своей груди и чувственно подняла брови. – Евгений, сколько дней. Почти четыре недели я не видела тебя в глаза. Мои мысли говорили идти к тебе и увидеть тебя, освежить па-

мать. Это было невыносимо! Прости, что я так долго не приходила.

– Не к чему себя винить, Наташа, – он сжал её руки. Они подошли к окошку. – Нет, ты не виновата. Никто не виноват. Всё это время, эти дни мы были связаны мыслями и душами. Твоя внутренняя и внешняя красота манила меня к тебе, но твоя мама недолюбливает меня. За что же?

Наташа резко бросила взгляд в окно и опустила их руки вниз.

– Нет, она тебя не недолюбливает. Она тебя не знает, если только очень-очень мало. Мы знаем друг друга всего два месяца, но... даже эти месяцы, недели, дни, часы и минуты тянули нас друг к другу. Разве ты можешь меня забыть?

Она посмотрела в его глаза. Он слегка улыбался. Ответил: «Нет».

– А могу ли я забыть тебя?

Молчание. Наташа не могла ждать ответа. «Ну, скажи же хоть что-нибудь. Могу ли?» – думала девушка. А он, будто прочитав её мысли, ответил тихо и дрожащим голосом:

– Нет.

И тут у Наташи упал камень с души. Она испытывала такую лёгкость рядом с ним, такую радость, такое спокойствие, такое тепло и чувство, такое понимание своих и его мыслей. Словно их души слились воедино и жили одним сердцем. Она молча смотрела в его жёлто-карие глаза, на его чистое молодое лицо, и видела его душу, как и он её.

– Ты помнишь, как мы узнали друг друга? – Сказала девушка. – Когда ты стоял за прилавком, а я покупала у тебя в магазине яблоки.

– Конечно же, я помню этот незабываемый момент моей жизни. Ты так посмотрела на меня в тот день, что я запомнил этот взгляд навсегда. Эти глаза. Эти прекрасные глаза, – он взял её за голову обеими руками. Она продолжала смотреть на него. – Наташа, ты вселилась в мою душу, как корень дерева в землю, но только теперь вырвать этот корень нельзя. Никак.

Девушка тоже взяла его, и они робко поцеловались.

– Я пришла к тебе в магазин. Ты стоял и ждал посетитель, но мало кто заходил к тебе. И тут вошла я. Я! Ты помнишь, когда мы встретились? Сердцами и взглядами! А потом я попросила у тебя четыре яблочка, красные или зелёные... Ах, я уже и не помню, какого они были цвета! Я не могла оторвать от тебя глаз. Потом мы встретились снова, через пять дней, и всё это время я видела тебя во снах и мечтах. Женя! я снова пришла в магазинчик, и снова увидела тебя! Ах, Женя... Евгений! Я хотела посмотреть на тебя снова, увидеть твои глаза, твоё лицо. Тебя! Да, а потом, как-то это произошло, мы пошли гулять по Петербургу вместе. Ты надел отцовский костюм, а он был уже хорошо поношен. Мы ходили долго-долго, и не замечали времени. Тогда наши сердца сблизились больше, а наши души начинали сплетаться. Когда я была рядом с тобой, я чувствовала такое спокой-

ствие и тепло, что хотелось побежать вперёд, и держать тебя за руку. Так и теперь, – она взяла его руку и посмотрела на его ладонь. – Так и сейчас. – Прижала руку к своей груди.

Евгений стоял мирно и немного улыбался только губами, а его глаза светились от счастья. Он тоже так хотел увидеть её, и вот, она пришла.

– Ты была в моей голове, с первой встречи, – сказал он. – Но тогда я ещё не знал кто ты, и откуда. А на второй встрече, когда мы гуляли по городу, ты рассказала, что родилась здесь и живёшь с матерью. А я рассказал тебе о своей жизни. Ты богата – я нет. Ты помнишь, как я говорил тебе, что жил так всегда? Что мой отец держал тот самый маленький магазинчик с овощами и фруктами? После его смерти, магазин достался мне. Да он и сам хотел отдать его мне. А моя мать, умерла, когда мне было всего три года, поэтому я её мало помню. Но я видел её на фотографиях. Её длинные волосы, платье, а её глаза были похожи на твои, они были такие же глубокие.

Они стояли и молчали, смотря друг на друга. Казалось, что они, вот так, и простоят до самого утра. Держась за руки. Их связывала невидимая красная нить, которая была прочнее любой стали и драгоценного камня. И их абсолютно не беспокоило, что она была из хорошей, в достатке, семьи, а он – нет. Евгений был чуть постарше Натальи, года на три. Хотя даже это их не волновало. Главное, что они здесь и сейчас, рядом и видят друг друга. Наташа не знала о любви с перво-

го взгляда, только слышала рассказы подруг, но тут она сама это на себе испытала, и не могла поверить. Ах, как это было прекрасно. А Евгений и не думал, что когда-нибудь встретит свою звезду и найдёт нужный путь. Кто может вообще быть с ним рядом, когда он родом из такой семьи, думал он.

Его отец часто пил, особенно по выходным. Редко, но поднимал руку на жену, даже когда она носила ребёнка под сердцем. Он не стремился ни к чему особенному и не хотел выйти в хорошее общество. Говорил, что эти люди высокомерные дурни и богатые глупцы. Всё, что он мог, так это только держать нищенский и забытый магазинчик, на другую работу его и не брали. С таким отцом, Евгению жилось трудно. Ни образования, ни друзей, ни хорошего дома у него не было. И помочь было мальчику немому.

Наташа очнулась от чувств, и уже было хотела возвращаться домой, но Евгений притянул её к себе и снова поцеловал. Тепло разлилось по её телу и даже передалось ему. Но она медленно отстранилась от него и сказала:

– Женя, мне нужно идти домой, я хотела всего ненадолго, но как же можно уйти к чувствам и ненадолго?

– Позволь я провожу тебя? – Спросил он. – На улице темно, а в это время город, в какой-то части, не спит.

– Нет, я не могу, – она развернулась в другую сторону от него и опустила голову.

– Отчего же?

Наташа медленно развернулась к нему и сказала:

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал о нас. Женя, я...

– Никто не узнает, – уверил её Евгений и погладил по волосам. – Даже никто и не увидит.

– Тогда ты должен остаться здесь и отпустить меня. Я... скоро мы будем вместе. Жить вместе! И никто не будет нам мешать. Ни маменька, ни наши знакомые, никто! Мы будем жить в достатке, и радоваться этой жизни. Родим двойню. Женя, это же так прекрасно! Ты веришь мне?

Ответ последовал не сразу.

– Верю. – Сказал он.

– Тогда пообещай, что останешься здесь, – она подошла к нему и заглянула, будто в самую душу, в самые уголки. – Не ходи за мной, прошу тебя. Ты обещаешь мне? – Снова спросила она и приблизилась ещё.

– Я обещаю тебе, Наташа.

Тогда она быстро прислонила свои губы к его губам. На этот раз поцелуй был коротким. При каждом поцелуе, их словно ударяло током, но этот удар был не таким болезненным, скорее мягким и тёплым.

Наташа отпустила его руки и быстро подошла к входной двери. «Совсем скоро нам не придётся видеться только по ночам, и расставаться вот так. Нам не придётся прятать свои чувства от других» – сказала она и вышла из его квартирки.

Глава 5

Где ночью была Наташа, никто не узнал. И гувернантка

сдержала своё обещание. Наташа тихо вернулась домой, уже было темно и прохладно. В гостиной и кухне никого не было, все спали. Она медленно закрыла дверь, чтоб та не закрипела, и поднялась к себе в комнатку. Девушка ещё долго сидела около окна, а на её лицо падали серебристые лучи полной луны. Она думала, что совсем уже скоро они будут вместе. Будут жить рядом, в одном доме и совсем в другом месте. Может быть не за границей и не в другом городе, но хотя бы на другой улице Петербурга. Ах, их тайна от всех теперь стала пыткой для обоих. Она всё время, каждый день, хотела рассказать матери о своей тайне, о её любимом человеке, но не могла. Не могла! Каждый раз её что-то останавливало. Возможно, это была её робость и страх, что мать не разрешит встречаться им никогда. Скажет, чтобы она забыла его, закроет её от него, спрячет. Её останавливало время, оно говорило: «Рано. Ещё рано», но Наталья знала, что потом будет поздно.

Наташа легла в кровать и не заметила, как уснула до самого утра.

Татьяна Константиновна, как всегда, как вчера, встала рано, но, как оказалось, гувернантка её снова опередила. Фрoся хозяйничала во дворе. Татьяна вышла в сад, и сразу направилась к своим любимым розам. Эти цветы были крупные, красивые, разноцветные, они жили и радовались каждому лучику солнца, каждому дню. Они направляли свои ле-

пестки к большому, яркому диску и сами светились цветом. Сразу, издалека, Татьяна заметила, что некоторые из роз потускнели и опустились. «Что такое?» – подумала женщина. Она зашагала быстрее прямо к растениям. Татьяна опустилась на колени рядом с одной из молодых розочек, посмотрела на неё жалеющими и испугавшимися глазами. Она поднесла руку к цветку, даже не дотронулась, как два лепесточка сорвались и упали на землю. Татьяна тут же вскочила на ноги и отпрянула назад. Она смотрела на них огромными непонимающими, что происходит, глазами.

Татьяна Константиновна взяла леечку и полила все-все цветы, хотя земля и так была влажная после утренней росы. Потом она быстро вернулась в дом и, будто за ней кто-то гонится, захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней, закрыв глаза. Её сердце быстро пульсировало, руки подрагивали. Вдруг в дверь сильно застучала Фрося.

– Татьяна Константиновна, – закричала гувернантка, – что случилось?!

Татьяна медленно приоткрыла не много дверь, та коротко проскрипела, и выглянула в промежуток. Фрося стояла, опустив руки вниз, и удивлённо прямо смотрела на женщину.

– Татьяна Константиновна, – спокойно, но с испугом, произнесла Фрося.

– А, нет. Ничего такого, – женщина полностью открыла дверь и помотала головой, словно стряхивая лишние мысли, – просто что-то... что-то мне захотелось пробежаться.

Ну, как это... для здоровья; вот, из сада да в дом,— сказала Татьяна и коротко наиграно посмеялась. — Ты не подумай, всё ладно, Фросюшка.

Но Фрося так же стояла, как вкопанная, и глядела на женщину. Потом она быстро поморгала глазами.

— А, понятно, — произнесла она. — Вам что-нибудь приготовить на завтрак?

— Да. А давай то же, что и вчера, — сказала Татьяна и потянулась головой к девушке, — уж больно мне понравилось, — и улыбнулась.

— Хорошо, Татьяна Константиновна, — ответила Фрося и, осторожно проходя боком мимо женщины, прошла в кухню. И от туда не выходила ещё около пятнадцати минут.

А Татьяна прошла в гостиную, села на диван и взяла какую-то газетку. Как-то Фрося заметила, что женщина читает газету, и спросила громко, не нужно ли купить свежую газету, а то эта ещё за ту неделю. Татьяна мягко ответила отказом. Фросе вообще очень редко, когда можно было ответить твёрдо и строго, этого просто нельзя было сделать, потому что эта милая девушка была, как одуванчик. Стоит на него подуть, и он станет другим. А что произойдёт с Фросей, Татьяна знать не хотела. Да и была-то она не чужая им.

К одиннадцати часам проснулась Наталья. За то время позавтракала уже её мать, а гувернантка успела протереть пыль во всём доме, кроме её комнаты и запрещённого кабинета. Наталье так не хотелось просыпаться, но ей ничего и не сни-

лось, а когда уже проснулась, то вернулось всё, что она оставила в прошлом дне. Девушка ещё минутку полежала в кровати. А потом поднялась, оделась в, лимонного цвета, платье, забрала волосы в хвост, заправила кровать и подошла к окошку. Всё как обычно. Тот же дом, тот же свет, те же мысли и виды. А что изменится в этой жизни? В это время? Наталья не знала. Но ей так хотелось сделать что-нибудь хорошее. И тут же первая мысль: всё рассказать матери. «Нет!» – сказала себе девушка и отпрянула от окна. Нет, она поняла, что не может это сделать. Нет, только не сейчас, только не сегодня! А когда же? Этот вопрос тревожил девушку ещё сильнее. Она каждый день слышала слова времени, но в тот же момент торопилась и останавливалась. Нет. Не скажет. Девушка села на кровать, взяла со столика книжечку и принялась читать, не выходя из комнаты.

Фрося вышла во двор передохнуть, пока нет никаких заданий и дел. В доме она переделалась в сероватое длинное и старенькое платье и повязала на голову повязку. Гувернантка медленно, хватая лицом каждое лёгкое дуновение ветра, шла по одной дорожке в саду. «Ах, как хорошо здесь, светло, свежо и спокойно, – подумала Фрося, поднимая глаза в небо. На деревьях пели птички. Она шла прямо. – Так хорошо! Но не моё. Всё не моё. Чужое и это чувствуется. Да я же знаю это. Я тут, как в оковах. И не уйти мне от них. Так жалко мне их оставлять, – она повернула голову в сторону дома, посмотрела. Потом пошла дальше. – И идти-то мне некуда

больше. Лучше уж здесь и в оковах, чем на воле и ни с чем. Да, они богатые. Интересные, и знают их почти все. Хорошо, что Татьяна Константиновна замуж за Виктора Александровича вышла, вот как теперь живёт. И работа у него была, и известность, и всё-всё-всё. Да так хорошо им было вместе, пока он не скончался. Зато у неё дочка есть, тоже счастливая. А Наталья Викторовна, такая хорошая девушка. Весёлая, молодая, и горя не знает, а поэтому и живёт беззаботно. И любят её, а меня кто? Да и никто вовсе. Никому я не нужна, – она с жалостью к себе улыбнулась и взглянула на землю. В это время поперёк дорожки пробежал муравей. Девушка хихикнула, – Букашка. Только, что им нужна да тебе. Да тебе-то и не совсем, а им, чтобы одиноко не было». С такими мыслями она пошла дальше. Эх, хорошо! Лето.

Татьяна Константиновна сидела в кухне и что-то писала пером. Каждая её выведенная буква была произведением искусства. Тонкие линии, завиточки, точки и полоски. В детстве Татьяну учила писать мать, она одна умела писать и из всей её родительской семьи. А было у неё два брата и одна сестра, с которой она всё время играла и веселилась. Отец был купцом, но не очень богатым и имени в городе не имел. Его тоже учила писать жена. Когда Танечка вышла из родительского дома, она сразу пошла на работу в большой известный магазин. Потом перешла на другую работу, лучше. А там, через два года познакомилась с Виктором, который вскоре стал её мужем.

Она писала и писала, но не торопилась. Потом она поставила последнюю точку и расписалась внизу. Татьяна сложила в три раза листок и сложила его в красивый конверт. Татьяна подержала конверт в руках, посмотрела на него и вздохнула. «Хоть бы дошло» – сказала на выдохе она. И тут её взгляд невзначай упал в окошко. И женщина увидела подъезжающую не большую каретку к их воротам. Она медленно поднялась, не понимая, что происходит и, не отводя глаз от окна, смотрела только куда наступает, чтобы не споткнуться случайно. Женщина подошла к большому окошку в гостиной, которое выходило во двор, и в ожидании смотрела. Дверь каретки открылась и оттуда кто-то вышел. Она не видела, кто это был, потому что каменный забор закрывал весь вид, а виднелась только малая верхняя часть. Когда же распахнулись ворота, то Татьяна увидела, что это был хорошо знакомый гость, который, как всегда, совсем неожиданно к ним пожаловал. Татьяна быстро подошла и села на диван.

В это время со второго этажа начинала спускаться её дочь. «Маменька, я давно хотела Вам рассказать...», – только начала девушка, как входные двери открылись, и в дом вошёл молодой человек.

– Здравствуйте! – Громко произнёс он. Он его лице сияла красивая обаятельная улыбка, от которой нельзя было отвернуть взгляда.

– О Боже, – Наташа, как только увидела его, так сразу быстро развернулась обратно и хотела уйти в свою комна-

ту, – зачем же ты пришёл? – тихо сказала она, чтобы он её не услышал.

Молодой человек прошёл в гостиную и поцеловал руку Татьяны Константиновны. Его английский смокинг по-новому блистал. Он с ней ещё раз поздоровался и посмотрел в её глаза, а она засмушалась и чуть отвернула голову. Потом он заметил Наташу и крикнул ей:

– Наталья Викторовна, куда же Вы? Ведь мы все так давно уже не виделись. Уж сколько времени прошло?

– Две недели, Григорий Павлович, – ответила Татьяна.

– Не стоит так официально, Татьяна Константиновна. Я не чиновник и не знаменитый человек. Зовите меня просто по имени, – сказал ей Григорий.

Весь этот коротенький разговор гостя и матери, Наташа стояла на втором этаже и молча на них смотрела. Она даже и не ждала его, даже не думала, что он так внезапно к ним явится. Да в общем-то она и не хотела, чтобы он приходил. Но Наташа собралась и всё-таки спустилась вниз, и говорила:

– Что-то Вы рано приехали, господин Релицкий, – на её лице была невозмутимость, которая часто колола Григория.

– Что Вы, что Вы, Наташенька Викторовна, – быстро и красиво сказал он, – Вы же знаете мою натуру, приходите к вам. Или Вы испугались моего приезда?

– Нисколько! Это вздор! – Наташа повысила голос.

– Наталья! – Вскрикнула на неё мать. – Поздоровайся лучше с Григорием, нечего дерзить.

– А это и не дерзость, маменька, – девушка даже на неё не посмотрела. – Здравствуйте, Григорий Павлович. Вы не поверите, как я рада Вас видеть в нашем доме, – и глубоко присела в реверансе.

Григорий Релицкий был на десять лет старше Натальи. Обладал хорошим образованием и деньгами, которые в большей части принадлежали его семье. Его отец работа в Петербургском правительстве на хорошей высокой должности, поэтому его сын часто путешествовал по миру, а особенно по Европе и учился в самых лучших гимназиях Петербурга, Москвы и заграницы. Он знал три языка: французский, испанский и немецкий. Хотел помогать Наташе, чтобы они не платили денег, но она отказывалась. Одевался он, как полагается, богато. Волосы были тёмные и короткие, а глаза яркие и светлые. С виду он был крепким. Умный, добрый, богатый. Такого мужа и искала для своей дочери Татьяна Константиновна.

– А вы знаете, я привёз вам подарки. Только вчера я вернулся из Лондона. Какая воспитанная страна, однако. Так бы и остался там жить. – Сказал Григорий.

– Ну так и остались бы, зачем же вернулись в Россию? – Остро спросила Наталья и села рядом с матерью.

– Нет-нет! Что Вы, Наташа Викторовна, а как же родина? Здесь и мой дом, и семья, и вся моя жизнь, а особенно Вы, – ответил он и позвал кого-то. В дом вошли два человека. Один был высокий и худой, а другой полный и средний.

Они принесли четыре коробки. Потом они ушли. – Это ваши подарки, дорогие дамы. – Релицкий открыл одну из коробок и вытащил оттуда хрустальную голубоватую вазу.

– Ах, как это прекрасно! – Воскликнула Татьяна. – Она же такая дорогая, зачем Вы её купили?

– Я же для вас. В ваш большой дом, – ответил Релицкий и поставил вазу на стол перед диваном. – Расскажите, пожалуйста, как ваши дела и здоровье? А то заграница не такая, как родная земля. Она отличается от родины. Меня связывает невидимая нить души с родиной, поэтому и хочется всегда вернуться обратно.

Глава 6

Татьяна Константиновна сидела и заморожено смотрела на него. Релицкий ходил вправо и влево перед ними. Он говорил, что без России нет ему жизни нигде, как нет жизни без них. В некоторых моментах он посматривал на Наташу, а она быстро переводила взгляд в окно гостиной. Потом Релицкий сел на диван, рядом с Наташей, и спросил: «А как же вы поживаете-то?». Тут Татьяна взяла дело в свои руки.

– Ах, Григорий, да как же мы-то можем жить по-другому? Всё у нас, как было, так и осталось. Если что и изменилось, так это мелочи. Да и те мелочи даже за изменения можно не считать. Какие у нас дела могут быть? После смерти супруга, мы так и живём тихо да спокойно. Не работаем, живём на остатки. А что после будет, совсем и не знаю. Наташа уже

взрослая, ей бы поехать учиться, да некуда. Здесь если, так это только по морю плавать, а если в Москву, то дорого. Не вытянем мы такое образование. Или без еды придётся жить.

– Не стоит, маменька, – встряла Наташа и положила свою руку на её руку.

– А куда без образования? Что потом делать будешь? Как жить? Всю жизнь здесь ты не протянешь, коли деньги закончатся, а был бы другой выход... да только нет его, – она печально повернула голову. – Виктор бы всё отдал за жизнь. Прости меня, Наташенька, что так живём здесь. Тут-то всё лучше, чем на улице. Натали, дочка моя, так нас судьба и бросает.

– Нет, мама, не извиняйся! – Наташа чуть ли не была на грани слёз. Она просто не могла вынести таких слов матери. Она же ни в чём не виновата. – Ты не виновата. Никто не виноват.

– А ведь да. Право, – сказала Татьяна и, улыбнувшись, посмотрела на дочь. – Вот так и живём, Григорий. Нам по загранице не поездить. А только в усадьбе нашей сидеть, и за садом следить. Больше-то у нас дел и нет. Вот как, Григорий. А как Вы?

Релицкий молчал, а они ждали ответа. В его голове уже возникли мысли: а не увезти ли Наташу во Францию? Да не жить ли им там вдвоём? Что плохого-то. Всё лучше, чем здесь стареть, да на мать всю жизнь глядеть. Нет уж, такого он не может допустить. Ведь у него всё-то есть. И деньги, и

образование, и связи. Он же может ей столько дать. И даже брать не станет. Лишь бы они вместе были, да в радости жили. Тогда она и печалиться не станет. Да, так всё и будет. Релицкий незаметно заулыбался.

– Я-то как? – Переспросил он, а те кивнули. – Ах, поезда была хороша. Видели бы вы Англию в это время, просто золото. А какие там люди. Какие люди! – он закрыл глаза и поднял голову в воспоминаниях. – Все такие добрые, воспитанные. Да у них в стране всё красиво. А у нас не хуже, – усмехнулся. – А Вы знали, что там какой-то мост хотят строить? Мне знакомые рассказали. Говорят, это будет достижение города. Самый современный в Европе. – Потом он посмеялся и сказал: – Они явно не видели другие сооружения мира. В Лондоне такие домики уютные и гостиницы такие же. Но всё так... сонно.

– Отчего же сонно? – Спросила Наташа. Релицкий прямо посмотрел на неё и мысленно возрадовался, что она, наконец, заговорила с ним. – Неужели Вам было скучно там? Наверное, не понравилось. Но нужно знать, что там совсем другие порядки и привычки.

– Натали, давай дослушаем. У Григория своё мнение, – сказала Татьяна и обняла её.

Релицкий продолжил:

– Просто всё там живёт, но не так, как здесь. Возможно, Наташа Викторовна права. А в прошлом году были какие-то выступления фермеров. Мне так люди говорили, тоже знако-

мые. Об этом я у них не расспрашивал. Мне было интереснее не столько история Великобритании, сколько её облик. Её сущность и строения. Когда-нибудь там будет ещё лучше. Такое государство должно жить, а не существовать на отдельном острове. Мне даже кажется, что у них свои знания, дела и общество, словно они сами по себе. Знаете, а люди там интересные. А чай. Эта традиция устраивать чаепития. Вы не пробовали английский чай? – спросил Григорий. Татьяна отрицательно покачала головой. Наталья была невозмутима. – Вам непременно нужно его попробовать! Какой вкус! Ах! Я вам обязательно его привезу. Или, – он посмотрел в сторону коробочек, – нет постойте. – Релицкий встал и быстро подошёл к коробкам. Открыл одну, которая была сверху. – А вот он! – достал оттуда пакетик с засушенными чайными листьями. – Сегодня же заварите его. Вы не пожалеете. – Григорий вернулся обратно на диван. Наташа подвинулась ближе к матери. – Что стоят слова и рассказы. Лондон нужно видеть своими глазами. Да, вам нужно туда поехать. И когда-нибудь я вам его покажу. А когда я обратно ехал...

– Ой! – Воскликнула Наташа и положила руку на сердце. – А Вы знали, что Александр Сергеевич и Наталья Николаевна повенчались в феврале? Только вот не помню точно какого дня.

Релицкий замялся. Он не интересовался событиями Петербурга и Москвы, поэтому о такой новости и не знал.

– Да, мне что-то рассказывали об этом, – сказал он.

– А Вам всё время что-то рассказывают, – резко произнесла девушка. – Что Вы сами знаете? Что Вы сами сделали, чтобы узнать что-то?

– Натали. – Медленно произнесла Татьяна Константиновна, округлила глаза и посмотрела на её лицо. – Да что же это...

– Нет, мама, не нужно, – сказала Наташа, смотрела сверху вниз на пол.

В это время в дом вошла Фрося, которая прогуливалась по саду. Она смущённо кивнула гостю, держа руки на уровне живота, и направилась в кухню. Татьяна позвала гувернантку к ним. Та подошла. Релицкий сидел, и смотрел на неё. При первом же её виде, он затих, словно не умел говорить. Он полностью внимал ей, её виду. Внутри что-то дрогнуло, но он тут же подавал это. Татьяна представила Фросю Григорию. Он встал, подошёл к ней и поцеловал её руку.

– Вы так красивы, – тихо произнёс он.

– Приятно познакомиться, – сказала так же смущённо и скованно Фрося.

Потом она быстро ушла. Внутри гувернантки, в душе, всё будто перевернулось, закружилось и всполошилось. Всё потеплело. Она словно впервые увидела солнце, почувствовала теплоту воздуха и красоту мира. Хотя девушка чётко понимала, что это не так. Что происходило, как? И этого она тоже не понимала. Она бы улыбнулась во все зубы, но отчего-то пыталась сдерживаться. Григорий стоял и смотрел ей в след.

– Григорий, я Вам ещё что-то не сказала, – Татьяна посмотрела вниз.

– Что же? – Релицкий быстро прошёл обратно на диван, не отводя взгляда от женщины.

Татьяна Константиновна подняла не него глаза и ответила:

– К нам приходил Романов. Не знаю, знаете ли Вы его. Но он сказал, что хочет с Вами познакомиться, Григорий.

Релицкий молчал. Он даже не знал, что и думать по этому поводу.

– То и лучше! – громко, с искусственной улыбкой, сказал он. Не хотел он ни с кем знакомиться.

Татьяна улыбнулась и снова посмотрела вниз. Атмосфера в гостиной падала. Становилось не по себе. Не уютно, словно они находились не у себя дома.

Через несколько секунд Татьяна вздохнула, а Релицкий пригласил Наталью в сад. Девушка не отвечала. Мать сидела и, делая вид, что не слушает, ждала ответа. Она хотела, чтобы дочка согласилась, а там само завяжется. Молчание. Ожидание. Вдруг из кухни крикнула Фрося: «Татьяна Константиновна, сейчас уж обед! Давай я что-нибудь приготовлю?». Татьяна ответила согласием. Релицкий сидел и смотрел, в ожидании согласия, на Наташу. Но Татьяна ещё раз вздохнула и сказала, что ей нужно кое-куда пойти. Она взяла за руку дочку, улыбнулась гостю, встала и ушла. Те же сидели молча, а женщина не торопилась подниматься по лест-

нице. «Наташа» – произнёс Григорий. Девушка быстро повернула голову к матери, а та ей покивала, чтобы она согласилась. Наташа вернулась и согласилась. Татьяна улыбнулась и быстро поднялась на второй этаж.

Григорий Релицкий и Наталья Боженова вышли в сад и, не торопясь, пошли по каменным дорожкам.

Татьяна Константиновна поднялась в кабинет супруга. Она достала ключ, открыла дверь и вошла. И тут на неё пахнуло чем-то старым, дряхлым, сухим и пыльным. В комнате не падали солнечные лучи, потому что одна шторка была задёрнута. Татьяна подошла к окошку и немного отодвинула тёмную плотную штору. Светлая полоса разрежала тёмное пространство. Женщина подошла к столу, провела по нему пальцами, а на столе остались полосы от пыли. Женщине на глаза навернулись слезинки, которые вскоре стали слезищами. Она остановилась и заплакала. Воспоминания снова нахлынули на неё. Когда они были вместе, гуляли по Петербургу и один раз по Москве, когда туда ездили. Только один раз они туда вместе и ездили. Когда он подарил ей большой-большой букет её любимых роз. Красные и белые. Когда он привёз её, с закрытыми глазами, к воротам их нового дома. И когда она открыла их, вошла во двор и увидела огромный дом. Большой участок усадьбы Боженовых. Она была так рада! Он же поднял её на руки и внёс в дом.

Татьяна шмыгнула носом и села на кресло, что стояло около стены, а рядом шкаф. Любимый, дорогой, единственный.

Женщина видела, как он сидит за своим рабочим столом и пишет, пишет, пишет. Всё время что-то пишет. И вот оно. Она будто представила, как он сидит и пишет то самое письмо, которое она так недавно обнаружила. Татьяна смотрела в сторону стола, задумалась, вспомнила, закрыла глаза и смотрела на память. На него. И незаметно для себя уснула.

Григорий и Наташа шли молча, но потом он всё же спросил у неё:

– Отчего ты ещё здесь? Посмотри, какие возможности вокруг. Посмотри, сколько всего можно сделать.

– У нас нет денег, – коротко ответила Наташа. – Я не могу что-то сделать, куда-то уехать, пойти учиться. На иностранного учителя и то денег не хватает. Приходится платить ему меньше.

– Так давай уедем со мной? У меня есть всё. Я смогу тебе помочь!

– Нет. Я не хочу. Я хочу быть здесь. С матерью, с Фросей. Я могу с ней поговорить, а она мне может помочь, если что произойдёт.

– Разве Вам это нравится?

– Да. И даже очень. И мне больше ничего не нужно. Если бы я хотела большего, я б уже уехала их дома, жила бы в Москве. Я бы нашла средства на жизнь, я бы смогла учиться и жить хорошо, – Наташа представляла, как бы всё это было. Но это лишь мечты.

– Позволь мне помочь, – сказал Релицкий и остановился,

взял её за руку и посмотрел на неё. – Я смогу сделать тебя счастливой.

Как только Наталья это услышала, она удивилась, забрала резко руку и сказала:

– Нет. Мне от Вас ничего не нужно. Я хочу лишь этого, что у меня есть. Большого мне не надо, я не требую. Я не такая. Если бы Вы могли мне помочь, Григорий Павлович, Вы бы знали как. Но Вы не знаете, как это сделать. Всё, что Вы сейчас сказали, это всё не то. Я хочу не того.

– Я знаю, чего ты хочешь, Наташа, – он снова взял её руку и прижал к себе. – Я тоже этого хочу, и я знаю...

– Вы не знаете! – Воскликнула девушка. – Вы ничего не знаете. И я не скажу. Потому что счастье уже пришло ко мне, хоть оно и не такое, какое бы хотелось. Да, я знаю, чего Вы хотите. Но поверьте, Григорий Павлович, Вы не сможете. Не прощайте меня.

Она ещё с две секунды посмотрела в его глаза, потом развернулась и быстро ушла обратно в дом. Релицкий стоял и смотрел ей в след. «Наталья, неужели Вы не видите?» – сказал он мысленно. Но он не побежал за ней, а пошёл дальше в сад.

Наташа вбежала в дом и сразу направилась на кухню. Она плакала. Села на стул и положила голову на руки, которые сложила на столе. Фроси не было. Она была на втором этаже. Наташа совсем не хотела, чтобы Релицкий что-то ей предлагал. Она хотела лишь Евгения. Он был единственный чело-

век для неё. Она понимала, что может произойти, если Григорий узнает о нём. Выхода не было. Но матери рассказать нужно. И она это знала. Ах, как было бы хорошо, если бы в её жизни был бы только Евгений, и больше никто. Тогда было бы хорошо, а тут ещё и Григорий. Зачем он к ним пришёл, и для чего приходит. Нет, он ей совсем не нужен! Счастье. Да что он вообще понимает в «счастье»? Деньги-деньги и поездки, связи. Вот! И больше ничего. А с другой стороны она бы с ним жила в достатке. Но нет, она не этого хочет. Пусть не богато, зато с любовью. Наташа подняла голову и заметила письмо на столе. «Что это?» – подумала девушка. Она взяла конверт в руки.

В это время по лестнице спускалась Татьяна, но она не видела, что дочь вот-вот прочтёт послание. Наташа открыла конверт и уже вытаскивала листок.

– Нет! – В проёме, между кухней и гостиной, появилась мать. – Натали, положи его на место! Это не твоё.

– Что там? – Всхлипывая, спросила дочь. Её добрые и глубокие глаза покраснели от слёз. Сердце быстро билось. Мать не отвечала. Женщина прямо стояла и смотрела на конверт. – Мама, что там написано? Зачем оно тебе?

– Я... я решила написать подруге в Москву письмо. Мы давно не виделись, вот я и захотела спросить, как она живёт, – сказала женщина.

Татьяна Константиновка подошла к дочери и выхватила письмо их дочериных рук. Девушка ахнула. Мама так нико-

гда не делала. Там точно не письмо подруге. В это время они услышали, как закрываются ворота, и отъезжает каретка. Релицкий уехал так же незаметно, как и прибыл. Татьяна смотрела, как задние колёса исчезают за поворотом. Потом она посмотрела на дочь и увидела, что та прямо сморит на неё.

– Натали... – мать развела руки в стороны и уже хотела обнять, пожалеть дочку.

– Нет! – Вскрикнула Наташа, подскочила и выбежала из кухни прочь.

Татьяна Константиновна опустила голову. Её дочь, как же всё не хорошо обернулось. Почему плачет Натали, что случилось? Татьяна села на стул, взяла конверт в руки и стала смотреть на него, о чём-то думая.

Глава 7

Григорий Павлович Релицкий вернулся домой. Он жил на Московском проспекте, один. Давно уже ушёл из родительского дома на вольное плавание. Он поднялся в свою большую квартиру. Релицкий разделся и прошёл в гостиную. Большой рижский диван, высокий французский дорогой шкаф, итальянский стол, три таких же стула рядом с ним, картина, написанная известным русским художником, индийский ковёр, который привёз ему когда-то отец и другие предметы мебели. Квартира была просторная, четыре комнаты. И ещё оставалось место. И при этом был создан уют и спокойствие. Всё было у него красиво, богато, нельзя было

не позавидовать такому человеку.

Когда он хотел сесть на диван, вдруг услышал: «Вернулся-таки!». Релицкий вскочил, выпрямился, и его бросило в холод. Да, он такого совсем не ожидал. Звук донёлся из кухни. Комната была чуть меньше гостиной, но не уступала ей в красоте и обстановке. Григорий прошёл туда и увидел своего друга, который ушёл в город, когда Релицкий даже ещё не уехал к Боженковым. Но во время его отъезда, друг вернулся.

– Добрый! Однако, – произнёс Григорий. Присесть на стул он не захотел, а стоял, прислонившись плечом к косяку.

– Ну, как съездил? Что они там делают, как живут? Рассказывай, рассказывай. Садись! Чего стоишь-то? Всё говори, от меня-то не утаишь. Разве не знаешь? – Добрый посмотрел на него исподлобья, ехидно ухмыляясь. Он сидел на мягком стуле и ел, в рубашке и брюках. Казалось, что этот человек никогда не печалился и не страдал. Он почти всё время улыбался. Добрый приехал к нему на квартиру только на три дня. Сам он проживал в Москве, а тут приехал на учёбу в Петербург и податься некуда. Потом вспомнил про друга, да и наведаясь к нему. Релицкий, конечно, не отказал. Этого просто невозможно было сделать такому человеку.

– Спасибо, но я и постоять могу, – Релицкий скрестил руки на груди. – Как съездил... – опустил голову.

Добрый поднял на него глаза и спросил:

– Что такое? Аль скверно всё? Никто не умер?

Но его шутка не удалась.

– Да что ты такое говоришь-то?! – Резко сказал ему Григорий. – Все у них живые.

Добрый понимающе промычал. Релицкий всё же быстро подошёл к стулу и сел.

– Фёдор, вот ты мне скажи, что нужно дамам? – Спросил Григорий и прищурил глаза. Добрый незаметно покраснел, его даже бросило в жар. Давно ему таких вопросов не задавали, а точнее, то вообще никогда. Он не заводил отношений с девушками. Не боялся, не стеснялся, даже очень-таки хотел, но подойти не мог. – Понимаешь, всё для них делаешь, а всё мало, всё не то. Как так? – Добрый молчал. – Подумай сам, ты им даришь подарки, признаёшься в любви, выводишь их жизнь на новый уровень, а потом они тебе заявляют, что хотят совсем другого. Чего им ещё-то! Мало этого что ли?

– Подожди-подожди, Гриша, – заговорил Добрый. – Ты не думал, что девушки хотят нечто высокого?

Релицкий нахмурил брови. Он не понял. Чего им такого надо? Фёдор понял по лицу друга, что он даже не понимает о чём речь.

– Любви, Гриша, – протянул божественно Добрый. – Девушкам нужна не только материя, но и духовные чувства. Да, этот аспект ты упустил, друг, – он снова вернулся к еде.

Григорий сидел и думал. «Любви. Да разве преподношения не ответ? Всё же только для неё. Только» – думал он.

– Всё ей, – говорит Релицкий, – но этого...

– Искренней любви!! – Ответил громко Добрый, но поче-

му-то смотрел в тарелку. Словно он обращался не к другу, а к еде. – Нет, дорогой, ты не понял, про что я толкую, – перевёл глаза на него. – К примеру, ты и она. Да? Представим, что она тебя сильно любит. Так, что даже противно становится.

– Да как же ты...

– Дослушай, – Фёдор поднял вверх палец. – Она тебя любит, ты её любишь, но не искренне. Вот так. Ты делаешь для неё всё. Да? Но она же не перестаёт тебя любить. Она думает, что и ты искренне её любишь. И вот ты дал ей всё; что смог, конечно. Живёте себе живёте, а потом, в какой-то неудачный момент, она говорит: мы так хорошо живём. Скажи мне, Гриша, всё ли я сделала для тебя? Если бы я хотела другого, что бы ты сделал? – Добрый вопросительно посмотрела на Григория.

Но Григорий снова только молчал. Ему нужно было срочно придумать, что ответить в данном случае девушке, которая спросила его. Но ни одна полезная мысль в голову не приходила. Что-то внутри Григория тихо зарождалось. И это была мысль о том, что он не понимает чувства влюблённости. Он внутренне вздрогнул. А что если это правда? Он и не понимает, что такое любовь! Но только в эти бредовые мысли, он и не поверил.

– Я бы сделал ещё больше, – коротко ответил Релицкий. – Мы бы родили детей. Поехали бы за границу. А если нужно, то жили бы там. Представь себе, всё то, что нажили, да ещё и за границей.

Снова то же самое. И ничего не поменялось в нём.

– Ты опять ничего не понимаешь, Гриша, – Фёдор глядел на него жалеющими глазами. – Послушай только себя: мы бы жили за границей. Да это всё хорошо! Но ты обходишь чувства к ней. За километр ты гуляешь от тёплых чувств, даже не понимая этого. Ты понял меня? А теперь представь, что и ты и она любите друг друга по-настоящему. Вот она жизнь, – Фёдор расплылся в улыбке и откинулся на спинку стула. – Вот оно счастье.

Внутри Григория нарастало напряжение. «Чувства любви. Чувства. Любовь! Любовь. Любовь. Тепло. Боже...» – думал он. Какие там чувства. Проще было согласиться, что он не понимает что происходит.

– И ты живёшь один, – он как бы сказал это другу, но в то же время и себе. Фёдор, конечно же, принял это на себя.

– Да я бы уже давно женился, если бы не дела-дела-дела.

Релицкий посмотрел на него, пустым взглядом, и просто сказал: «Ты меня не понял». Григорий встал и вышел из кухни, оставив друга в одиночестве. Релицкий обошёл вокруг дивана, подошёл к шкафу и посмотрел на него. Что-то его угнетало. Его сердце то слышалось, то затихало. Разум был замутнён сотнями мыслями, они летали, говорили, но Григорий не слушал, и для него сознание было чисто. Релицкий снял пиджак и подошёл к окну. Внешне он хорош, в интеллекте умён, но в сердце... даже он не знал, какой он. Слово «счастье» и «любовь» были противоположными и много-

значными. Нужно было уловить точную и тёплую мысль, где эти слова сходятся в одном, но он не мог. Не искал. Релицкий искал ответ, но на какой вопрос? Вопрос о жизни, любви и счастье. Видения об этом были расплывчаты. Иногда они пугали и тревожили его. Тогда всё сознание темнело. Но он держался. Из всех сил его физического состояния.

– Ты знаешь Романова? – В гостиную пришёл Фёдор и остановился за спиной Григория.

– Нет, – хрипло ответил тот. Потом он повернулся к другу и сказал: – Боженова говорила, что он хочет со мной познакомиться.

На лице Доброго появилось удивление. Его глаза быстро проскользнули по окну.

– Даже и не знаю, – выдохнул Фёдор. – Стоит ли? Такой, как он, это не простое создание. Романов, это лис в человеческом облики. Но знать его стоит. У него связи.

– Нужно иметь связи? – Тут же спросил Релицкий. – Только что ты сам говорил о другом. Не важно, – отвернулся к окну. Погода портилась.

– Если ты так хочешь, то можешь сам к нему поехать, – предложил Добрый. – Но я не думаю, что это хорошая идея.

Григорий согласно покачал головой.

– Что происходит? – Спросил Релицкий вслух, а в его мыслях были такие слова: «...Когда во тьме горит последний уголёк. Сияй...»

Добрый не понял. Что? Ничего такого. Он огляделся и

спросил. Но Григорий ничего так и не ответил. Он стоял около окна и смотрел на людей и серое небо.

Глава 8

Ночью Наталья снова собралась к любимому. Дождавшись нужного времени, девушка оделась и тихо вышла из дома. Побежала по улицам. Пришла к дому, в котором он жил. Постояла, подумала. Вздохнула пару раз. Отчего и сама не знает. Будто она его первый раз увидит. Да такого же быть не может. Но тогда отчего да почему? Её сердце забилося, ноги подрагивали. Она посмотрела на второй этаж окон, а потом решительно вошла в подъезд. Она поднялась и постучала в дверь. Три раза. Никто не открыл. Девушка постучала ещё три раза, сильнее. И снова никто не отозвался за дверь. «Почему же он не идёт?» – подумала Наташа. Девушка опустила ручку, но дверь была заперта. Так никто ей и не открыл. Наташа постояла перед деревянной дверью, посмотрела на неё и думала о нём. «Почему он не открывает мне?» – спросила Наташа сама себя. Она не понимала. Девушка поникла и медленно отвернулась от двери. Отошла, так же медленно, от неё. Она думала, что он всё же откроет, пока она не успеет уйти из дома. Но он не открыл, не подошёл.

Наташа безнадежно спустилась вниз, держась за перила, вышла из дома и вдохнула ночного чистого воздуха. На её глазах наворачивались слезинки. Неужели он её оставил? Ушёл к другой?! Наташа испуганно выстрелила прямо взгля-

дом при этой ужасной мысли. Наташа бросилась бежать прочь от его дома. И только когда она оказалось в нескольких шагах, её кто-то крикнул. Наташа замерла. Она услышала её имя и знакомый голос. Да, она узнала его. Девушка обернулась и увидела его. «Евгений!» – крикнула она и кинулась к нему. Он распахнул руки, и она влетела в его объятия. Евгений приподнял её над землёй, и они покрутились. А когда вернулся на землю, спросил:

– Куда же ты побежала? – Он смотрел в её красноватые от слёз глаза.

– Никуда. Забудь это, – сказала Наташа, улыбаясь сквозь, всё ещё идущие, слёзы. – Как же я рада! – Она прижалась к нему. – Где же ты был?

Он сказал, что был в своём магазинчике. Сегодня он поздно закрыл его. Евгений совсем не ожидал Наташу, поэтому и решил задержаться. Пусть в этот магазин редко приходят, но он продлили сегодня рабочий день. Пусть, может быть кто-то ещё и придёт. А когда возвращался домой, то увидел хорошо знакомую фигуру, убегающую в темноту. Тогда он и выкрикнул её имя. Наташа выслушала его, посмеялась, сама не понимая над чем, и снова прижалась к нему. «Как хорошо. Как я рада» – сказала она.

Они вместе вернулись в квартирку и устроились на диване. Наташа смотрела на него, а Евгений на неё. Их взгляды соприкоснулись, завязались и слились в одно целое. Во что-то мягкое, тёплое, милое сердцу, милое душе. Ах. Вокруг

них будто витал ароматный запах сирени и солнечная теплота. Рядом друг с другом они чувствовали себя счастливыми. А так ведь и было.

– Как? Как Господь мог создать тебя? Ты так... Евгений, ты... такой..., – слов было много, и она не знала какое лучше выбрать, – хороший, добрый, красивый... ты такой счастливый.

– Если бы тебя не было рядом со мной, то я бы не был счастливый, – сказал нежно Евгений. – Ты внесла счастье в мою серую, скучную жизнь. Ты подняла меня. – Он приблизился к ней и погладил по щеке.

– Тогда я бы тоже не была так счастлива, как сейчас, – тихо произнесла Наташа. – Мой первый взгляд на тебя и в мою душу ворвался луч света, который стал ярким солнцем и греет меня изнутри. Ах, Женя, ты сделал меня такой. Только благодаря тебе я теперь словно бабочка, которая не знает горя и холода. Пусть за окном пасмурно и идёт сильный ливень, а в душе светло и тепло. И это когда ты рядом со мной, вот так.

Наташа тоже приблизилась к нему и их губы соединились.

– Сейчас я вспомнила давнее стихотворение, которая я учила, когда была ещё маленькая девочка, – сказала Наташа и задумалась. – Ты помнишь? Какой красивый звук сей песни, вот зазвучал в голове.... Ах, этот звук; ах, какой он прекрасный, словно обломок огня.

Наташа вспоминала, но давние слова стихотворения с тру-

дом возвращались в памяти. И тут Евгений продолжил:

– Он звучит и звенит протяжно, будто зовёт меня.

Наташа, улыбаясь, посмотрела на него. «Ты знаешь!» – сказала она и взяла его за руку. Они вместе продолжили: «Но я останусь, останусь здесь на земле никуда не тянувшись; А хотелось, конечно, хотелось, но я не могу, увы. Ах! песня звучит и звучит, какой этот звук прекрасный, как малая звезда на небе, которая светит во тьме». Потом они затихли и просто смотрели.

– Внутри меня сейчас такой звук! – Сказала Наташа чувственно. – Так и хочется танцевать. Вальс. Кружиться и кружиться. Эта песня поднимает меня в небеса. Я чувствую себя, как на крыльях. Мне так легко, так легко. Вот сейчас бы так и полетела, – Наташа встала с дивана и прижала руки к груди. – Сначала бабочка, а потом превратилась бы в птицу. Распахнула большие крылья и полетела, – она закрыла глаза и подняла руки, как будто размахивая крыльями, – полетела, полетела... А потом бы летала в небесах.

– Ты так прекрасна, когда птица, Наташа, – Евгений тоже встал и обнял её сзади. Она коснулась его рук, посмотрела на него.

– Женя, я люблю тебя. – Нежно произнесла Наташа.

Фрося прошла по саду и только потом приступила к завтраку. Сегодня она никого не спрашивала, решила похозяйничать сама. Гувернантка сделала вкусный завтрак, на ско-

рую руку, и вышла во двор. Солнце уже поднялось над городом. Фрося закрыла, вдохнула, а потом быстро выпустила воздух и принялась заниматься двором. Сегодня Фросе было как-то по-особенному приятно заниматься всеми делами, но вот только почему она не знала. Девушка то улыбалась, то нет, то посмеивалась, то снова всё это исчезало с её лица. Девушка вспоминала своё детство. Как хорошо ей было с родителями. Мать, отец. Они всегда помогали ей во всём. Девочка была милая и понимающая, и они это видели. Как же было ей хорошо с ними да в родном доме.

Повспоминала Фрося и в сад пошла. Всё, хорошо в тех временах было, но она помнила главные, услышанные, слова Татьяна Константиновны, что нужно жить сегодня, а не вчерашнем днём и завтрашнем. Гувернантка прошагала спокойно до цветов и увидела, что розы потемнели, а некоторые совсем зачахли. «Как же так? А если увидит Татьяна Константиновна? Она же не одобрит такого. Нет, она не узнает. Я их сейчас выхожу» – сказала себе Фрося и побежала за лечкой. Вернувшись к цветам, она полила розы и остальные заодно, чтобы тоже не увядали. Подумала, что нужно ещё как-нибудь розы-то полечить, но не чем. Гувернантка оставила цветы и пошла во двор. Там она села на скамеечку и стала смотреть на облака и прилетающих птичек.

В то время уже проснулась Татьяна. Она умылась. Надела почти новое красивое и пышное платье, маленькую шляпку и перчатки до локтей. Женщина постояла ещё несколько

минут около окна и пошла в кухню. Она позавтракала. Мысленно похвалила и поблагодарила Фросю. Татьяна Константиновна о чём-то задумалась, после еды, потускнела, а потом неожиданно вспомнила про конверт с листочком. Женщина поднялась и взяла с подоконника конверт, куда вчера его положила. Татьяна знала, что его срочно нужно отправить. А сама она отправлять его не хотела. Поэтому женщина пошла искать гувернантку. Татьяна Константиновна вышла во двор, после поисков девушки в доме, и увидела её сидящую на скамеечке. Девушка была так спокойно, что женщина и не хотела вырывать её из этого умиротворения, но всё же она это сделала.

– Фросюшка, – позвала Татьяна, – подойди, пожалуйста. – Фрося поднялась и быстренько подошла. – У меня к тебе есть просьба, – Татьяна показала ей конверт. – Отправишь его по этому адресу в Ригу. Поняла?

– Да, Татьяна Константиновна, я всё сейчас же сделаю, – ответила гувернантка. – Только переоденусь, чтобы в люди выйти.

– Ладно, хорошо, – произнесла женщина и пропустила девушку в дом.

Фрося посеменила к себе в комнатку, а Татьяна осталась на улице.

Ближе к одиннадцати часам проснулась уже и Наташа. Полночи гуляла, а теперь и спит себе. Даже после этого, девушка не спешила вставать с кровати. Она лежала и дума-

ла: о солнце, о светлом дне, о мечтах, о городе, о любви и о Евгении. И хотя солнце уже пригревало дом, девушка нежилась под тёплым лёгким одеялом. И ей так было хорошо! Она продолжала чувствовать себя бабочкой. И тут за дверью её позвала мать. Женщина сказала, что её уже ожидает господин Штраус. Наташу тут же оставили все её мечты и нежности. Да, иногда она не хотела заниматься с пришедшим учителем. Девушка сама себя подняла, с помощью сил и мыслей, оделась, умылась и спустилась вниз. «Ты бы поела сначала. Чего же так-то? Ведь и запоминать толком не сможешь» – сказала ей мать, пока они спускались по лестнице. Наташа так и сделала. Штраус ждал её двадцать минут, но время не уходило. Они могли заниматься до двух часов, если девушка не придёт вовремя. «Наталья Викторовна, поторопитесь. Вы же не хотите чтобы я ожидал?» – сказал господин Штраус, а мать бросила на Наташу острый взгляд. Девушка встала и смиренно, гордо пошла к учителю. Иногда, когда Наташа слушала и всё понимала, она начинала мало улыбаться, и ей нравились уроки иностранного языка. Вообще ей было интересно, как разговаривают в других странах. Занятно было знать бы, как вообще живут в других государствах и их историю, но, к сожалению, господин Штраус преподавал только иностранные языки, хотя изредка рассказывал истории, которые было приятно и интересно слушать девушке.

Через час господин Штраус ушёл домой, и Наташа осталась без особых дел. Но тут она заметила, что матушка ку-

да-то засобиралась.

– Куда же Вы, маменька? – Спросила Наташа.

– А, мне нужно съездить к одному знакомому. Заодно и его увижу, и поговорю с ним. Мы давно уже не виделись, вот поэтому я и поеду, – ответила Татьяна.

Наташа продолжала смотреть, сидя на диване, как мать ходит по гостиной и ищет другую шляпку, чтобы было красивее. Татьяна Константиновна всё же обнаружила убор около зеркала, надела, попрощалась с дочерью и ушла. Наташа осталась одна. Она знала, что в доме ещё гувернантка, только вот Фрося была занята делами, а Наташе так хотелось рассказать хотя бы кому-нибудь о своих чувствах. Сначала она думала, говорить или нет. Но не разговаривать же самой с собой. Девушка встала и пошла в комнату. Когда Наташа проходила мимо отцовского кабинета, она споткнулась и быстро облокотилась на дверь. Девушка почувствовала, что дверь очень холодная, однако когда она дотронулась до ручки, то та была почти горячей. Наташа удивилась. Ей снова хотелось туда зайти, как это было в детстве. Вот пойдёт папа в кабинет под вечерок, писать что-нибудь, документы или просто бумаги какие, а маленькая Наташенька за ним и побежит. Войдут они вместе и сидят, смеются. Папа рассказывает истории, а дочка хихикает и улыбается. Так умирительно и хорошо было, свободно. А теперь стало не так, совсем не так. Наташа отпустила ручку и быстро пошла дальше. Она вошла в комнатку и остановилась у двери. Ей резко показалось, что

это не её спальня. Что всё здесь не её. Как будто она и вообще не в этом доме живёт. Отчего же, но даже и она не знала и её сознание. Внутри девушка всё сжалось в шар, который излучал свет и тепло, а вокруг него была темнота. Наташа села на кровать, засмотрелась на лучи, падающие в спальню, на шторы. А потом свет начал медленно меркнуть, солнышко заслоняло облако или туча. Но всё стало серым и холодным. Наташа отвернулась, нашла глазами книжечку, взяла её и принялась читать. Быстро-быстро, редко перепрыгивая через строчки и даже не замечая этого. Она не понимала, читает она или нет. В голове просто был читающий голос, но мысли были совсем другие. «А что если... А вдруг! А будет ли...» – искала вопросы девушка, но не находила их, так же, как и ответы. Наташа захлопнула книжку и упала лицом в подушку. Потемнело. Словно она закрылась от мира.

Тут в дверь постучалась Фрося.

– Наталья Викторовна, Вам что-нибудь приготовить к обеду? Может потом? – Спросила она.

Наташа поднялась и безразлично пялилась на дверь, из-за которой доносился голос. К девушке быстро всё вернулось, все её мысли и понимание реальности, и она сказала:

– Нет, Фрося, ничего мне не надобно. Спасибо. Ты лучше ко мне войди, – пригласила Наташа.

Поначалу гувернантка мялась, но потом опустила ручку и вошла. В комнате было прохладно и темновато. Наташа пригласила присесть рядом её и гувернантка села на краешек

кровати справа от Натальи.

– Послушай Фрося, как я живу? – Спросила Наташа.

– Что? Простите, Наталья Викторовна, но я не понимаю о чём Вы, – сказала Фрося.

Наташа посмотрела в пол.

– Я о себе. Какая я? Отчего я такая? Ведь я хочу как лучше, но ничего лучшего и не происходит. Ты знаешь, что я уходила и ухожу по ночам, и к кому тоже знаешь... но я не могу сказать об этом маменьке. Что же? Почему?

Фрося не знала, что отвечать. Это было не её, но она нашла что бы сказать и как поднять Наталью.

– Послушайте, Наталья Викторовна, Вы прекрасны, – гурвернантка взяла её за руку, – сказать по правде, я всегда хотела быть такой как Вы, но, увы, я не такая. Не суждено мне когда-то и вообще быть такой. Я, конечно, понимаю про что Вы мне хотите сказать. Однажды я замечала Вас, когда Вы уходили, но не знала куда, а вскоре поняла. Ваши ночные уходы из дома были неспроста.

Наташа подняла взгляд на Фросю.

– Я очень хочу всё-всё рассказать матери, но не могу этого сделать. – На глаза Наташи накатили слёзы. – Будто что-то меня останавливает, сдерживает, или момент не такой, как хотелось бы. Ах, Фрося, если бы всё было так просто, но нет! Почему всё так сложно?

– Ваша жизнь связалась с любовью, Наталья Викторовна, а любовь, это сложное дело. Нужен, своего рода, навык.

Любовь, как дар свыше. Чувства, часть этого дара. Если Вы чувствуете, то любите, а если любите, то живёте. Поймите, в жизни всегда найдётся место для любви. Но оно находится не у каждого. Простите, конечно, если что не так я сказала.

– Нет-нет, что ты! Всё так, Фрося, всё так, – сказала Наташа и сжала её руку. Слёзы ушли, и на губах появилась жалующая улыбочка.

Лучи солнца снова обогрели комнату. Облака уплыли дальше по небу.

– Фрося, ты такая умная и добрая. Мне бы хотелось быть такой. Знаешь, мне кажется, что мы обе хотели бы чем-то быть похожими друг на друга, – Наташа светилась изнутри. – Вот ты такая, а я такая. Но мы хотим быть похожими друг на друга. Да?

Гувернантка положительно покачала головой. На несколько минут – в комнате тишина.

– Наталья Викторовна, – а расскажите, пожалуйста, как всё прошло? – умильно попросила Фрося. Наташа просто не смогла отказать, да и она же сама этого хотела. Но тут она решила не изливать всю правду, а сдержаться.

Наташа робко улыбнулась, покосилась в пол. Фрося смотрела на неё и ждала.

– Скажи, Фрось, а ты веришь в любовь с первого взгляда? – Поинтересовалась сначала Наташа. Гувернантка задумалась и снова покачала головой. – Мы познакомились так же. Вот прямо так, с первого взгляда! Стоило мне взглянуть

на него, а ему на меня и мы связались, – Наташа, будто просматривала эти воспоминания заново, она испытывала почти те же чувства и ощущения. Она рассказала всё об их отношениях, но некоторые вещи утаивала. – А вчера ночью я снова ходила к нему. Я думала, что его нет, что он ушёл, но Женя позвал меня и мы опять слились воедино. Ты представляешь, как хорошо! Я бабочка. Нет, от всего этого, когда он рядом со мной, у меня в животе будто бабочки! И тогда я летаю, а он летит рядом. – Наташа медленно перевела воодушевлённый взгляд на гувернантку. – Как же так? Ты, наверное, думаешь, как так может быть? Так мало времени прошло, а мы уже неразлучны. Но поверь, Фрося, так бывает, так с нами произошло.

Фрося всё время сидела и внимательно слушала. Она представляла иногда себя на месте Натальи, но это выходило у неё с трудом. И всё же выходило. Это действительно было прекрасно. Тепло, светло, легко и быстро. Фросе так стало хорошо, как Наталье, когда она гуляла вместе с Евгением, или когда приходила к нему. А когда Наталья закончила свой душевный рассказ, Фрося вернулась на землю и поняла, что она не сможет жить так, как Наталья и не сможет найти любовь.

Гувернантка поблагодарила Наталью за разговор, встала и вышла из комнаты. А Наташа посмотрела в окно, быстро вскочила и выпорхнула из комнаты и словно полетела в сад, где душа была частью природы. Когда Наташа проходи-

ла мимо Фроси, та спросила: «Куда же Вы?», а Наташа ничего не ответила. Она лишь дружески улыбнулась и исчезла за дверьми. И только через двадцать минут, когда гувернантка для чего-то бродила просто так по дому, она поняла, что дверь не закрипела, когда девушка выходила, хотя она скрипела всегда, но когда тише, а когда громче. Наташа ушла в сад, в беседку, из комнаты она взяла книжечку, приземлилась плавно на скамеечку, вдохнула свежего воздуха и закрыла глаза. Девушка слышала, как поют не далеко птицы, как где-то жужжат пчёлки, запах ароматных цветов, доносившийся до самой беседки. Наташа даже чувствовала ель, которая была рядом и закрывала тенью деревянное сооружение. Летний прохладный ветерок и саму природу. Где-то в душе Наташа слышала и понимала её язык, её сущность. Девушка открыла медленно глаза, потом книгу и стала читать, читать, читать. И никуда не спешила. Всё было для души и неё.

Глава 9

Вечером Наташа была в гостиной и пролистывала свежую газетку. Фрося хозяйничала в кухне.

– Что-то маменьки давно нет, – сказала Наташа, отвлекаясь от чтения. – Долго она уже у знакомого.

– Не волнуйтесь за неё, Наталья Викторовна, Ваша-то ма-тушка себя в обиду не даст. Это просто она такая дома, а на людях она как знатная богатая дама, которая жена чиновни-

ка кого-нибудь, – сказала Фрося.

Наташа удивилась. «Неужели она такая? Странно, я не замечала, даже когда мы были в городе» – подумала Наташа.

– Пусть, Наталья Викторовна, пусть. Не бойтесь, – продолжила гувернантка. А потом она позвала девушку к ужину.

Наташа поела и направилась к себе в комнату.

Скоро и потемнело. Наступила ночь и всё в доме затихло. Наташа легла в кровать и тут же уснула, а Фрося пошла в сад, и обойти двор на ночь, и цветы проверить. Но розы всё равно не цвели. И как бы гувернантка не старалась, день, два, три, они не становились такими, как прежде. Потом девушка задумала купить новые розы, свежие, но побоялась, что Татьяна Константиновна этого не одобрит. Тогда Фрося, когда уходила, ещё раз оглянулась на цветы, с одного упал тёмный сухой лепесток, огорчилась и скрылась в доме. Девушка совсем не хотела, чтобы Татьяна Константиновна была опечалена за свои любимые цветы, но выходить их Фрося не могла. Выхода не было. Гувернантка обошла дом и пошла к себе в комнатку.

– Наташа Викторовна! Наташа Викторовна!

Девушка проснулась, но глаза открывать не торопилась, а тихий почти шепчущий голос из-под окна продолжал звать её. Наташа поднялась, завернулась в лёгкий материн халатик, который та отдала когда-то ей, и посмотрела из окна вниз. На земле кто-то стоял. Девушка открыла окно и при-

смотрелась к тёмной фигуре. Она точно поняла, что это был мужчина, но по голосу не могла понять кто, а он её знал.

– Наталья Викторовна, соизволите выйти? Мне бы хотелось с Вами поговорить.

Наташа широко открыла глаза и весь сон, как смело.

– Вот так, ночью? – Удивлённо спросила она. – Вы считаете, что такое время суток самое лучшее для общения? Извините, но Вы, не могу только понять кто Вы, не пытались подойти в день? Просто обычно ночью я предпочитаю спать.

– Ах, простите, – так же шёпотом произнёс человек, – это я – Григорий.

– Релицкий, Вы что ли? – Прищурилась девушка, тянувшись телом из окна.

Человек дал положительный ответ. Наташа залезла обратно в комнату и закрыла окно. Григорий понял, что она отвергла его приглашение. Он подумал, что, может быть, и правда лучше было бы встретиться днём? Он развернулся и пошёл обратно домой. В это время позади что-то засветилось. Григорий обернулся и увидел, что к нему идёт, со свечкой в руках и в халате и тапочках, Наташа. Он выпрямился и дружески поприветствовал её, а она невозмутимо сказала: «Доброй ночи».

– Зачем Вы пришли к нам посреди тихой мирной и спящей ночи? – Серьёзно спросила девушка. – И как Вы вообще смогли пройти к нам? Не соизволите ли сообщить мне про это?

– Я пришёл только к Вам, Наташа, – сказал он

– Наталья Викторовна. – Резко заявила она и бросила прямой взгляд на него. Григорий замер.

Девушка медленно начала двигаться в направлении сада, а он пошёл за ней.

– Наталья Викторовна, как бы я не хотел, но Вы для меня всё, – нежно произнёс он. – Я хочу отдаться Вам. – Наташа поразилась его словам. – Вы ангел на этой земле. Вы вносите в этот мир не просто луч света, а заменяете солнце. Вы... Вы девушка неба!

– Что это значит, Григорий Павлович? – Спросила она. Григорий не отвечал. – Да, именно так.

Наташа внутренне понимала, чего хочет Релицкий. Всё было на поверхности его слов. И лишь слова выдавали его желание. Она ясно слышала, как он распинается перед ней и знала для чего. Вот только Наташа ясно осознавала, что смысла этому не было. Его слова только слова, и больше ничего. Что он может дать ей? Ничего. Ничего такого, что хочет Наташа. Пусть золото, пусть бриллианты, города, дома, образование, но только не чувства. Те самые искренние чувства.

Они молча смотрели друг на друга. С небо ярко светила полная луна. Её глаза блестели, а его были тёмные.

– Что Вы скажете мне? – Тихо спросил Релицкий.

Наташа вдруг впала в ступор. «Ничего, только лишь спрошу» – мысленно произнесла она.

– Григорий, скажите, Вы умеете любить? – Прошептала девушка.

Релицкий не дышал. Что это значит? Какой вздорный вопрос? Кажется, она совсем его не уважает. Она считает, что он тень в её жизни и с ним можно разговаривать грубо. И всё же ответ нашёлся. Сначала Григорий медлил и что-то мямлил, а потом произнёс: «Да».

– Зачем Вы лжёте мне?!

– Что? Что Вы, Наташа Викторовна, разве я могу Вам лгать? Нет, никогда, никогда. Я хочу быть с Вами всегда. Всегда только Вы и я. Наташа!

Он почти признался ей, и девушка где-то глубоко понимала это.

– Вы не умеете любить.

Релицкий удивился.

– Да, Григорий, да. Вы не знаете чувств. Вы можете отдать всё-всё, но Вы не понимаете, что любовь купить невозможно. Любовь нужно чувствовать, ощущать и видеть её; давать тепло и нежность, понимание. А Вы? Вы покупаете.

Молчание. Релицкий медленно моргал глазами. Ему нужно было уже согласиться с мнением Наташи, но он решил бороться дальше. Теперь за неё.

– Так зачем Вы пришли ко мне? Ещё и ночью? Вы что не знаете, что все нормальные люди, простите, спят? Выходит Вы, Григорий, не нормальный? Почему Вы молчите? Ну же. Ответьте мне что-нибудь. Хотя бы что-то.

Но Релицкий был безмолвен. В округе всё затихло, словно в ожидании его ответа. Внимание было приковано к нему. Ночной летний ветерок не дул, а луну прикрывали облака. Они становились прозрачными и подсвечивались по краям, когда серебристый свет падал на них. «Я...я. Наташа...», – медлил Григорий.

– Да, Вы. Вы пришли и разбудили меня, – продолжила вместо него девушка. – Благо, что я вышла, а то бы Вам так и пришлось стоять до самого утра. Простите, Григорий Павлович, но мне никогда не быть ни Вашей, ни с Вами. Уходите. Можете из моей жизни.

– Прошу тебя... Вас! простить меня. Я был глуп и мал вблизи с Вами. Наталья Викторовна, да, нам никогда не быть вместе, – сказал он и опускал голову и взгляд. Его голос становился тихим и жалким.

Наташа попрощалась с ним, кивнув головой, и пошла в дом. Релицкий остался стоять на месте. Он даже и не подозревал, что Наташа начинала всхлипывать.

– Наташа! – Крикнул он и побежал за ней.

Григорий схватил её за руку и развернул к себе лицом. Тогда он и увидел, что девушка чуть ли не плачет. Релицкий отпустил её. «Наташа...» – начал он.

– Я люблю другого! – Вскричала она.

Задул ветер, деревья будто переговаривались между собой, а луна полностью скрылась за облаками. Природа словно начала обсуждать их. Релицкий вытаращил на неё глаза,

а девушка быстро закивала головой. Она вдохнула.

– Не заставляйте меня плакать, – на выдохе сказала она, слёзы остановились, – и страдать. Прошу Вас, Григорий Павлович, прошу, уходите, – она пыталась не смотреть на него. – Вы не тот, кого бы я хотела любить. Но если бы Вы были другим... я бы ещё подумала, но уже ничего не изменить. Время, что Вы просили, и что прожила я, не поменять. Наше прошлое, как глубокий шрам, который остаётся на всю жизнь на теле. Не заставляйте меня плакать, – договорила Наташа и быстро ушла.

Релицкий не смотрел ей вслед. Теперь все его мысли исчезли. Возникла некая лёгкость в сознании его. Ветер ослаб, а Григорий начал пошатываться. Словно внутри всё рухнуло! Релицкий медленно побрёл домой.

Глава 10

Татьяна Константиновна встала рано. Сегодня она даже постаралась встать раньше гувернантки. Она сразу пошла к образам. Иконки стояли в уголке так, что иногда их и вовсе было незаметно. Женщина скрывала свою веру от общества, а близкие знали. Помолилась, а потом, одевшись в пышное сине-голубое платье, по двору пошла, проверять всё. Она каждое утро выходила из дома и гуляла по двору. Татьяна помнила, что её розы увядали, а когда она снова посмотрела на них, то они и вовсе все потемнели. Женщина тяжело вздохнула и пошла дальше.

Наташа лежала в кровати и смотрела на голубое чистое небо. Оно было таким свежим, добрым, лёгким. Все мысли о ночной встрече куда-то пропали, их просто не было в голове, и они её не терзали. Наташенька улыбалась. Душа пела. Девушка, наконец, поняла, что счастье с ней. Оно уже в доме, уже в комнатке, уже в ней. Вдруг Наташа вспомнила, что уже должна была всё рассказать матери. И отчего-то она чувствовала, что это именно тот самый день для раскрытия тайны. Наташа поднялась, потянулась, забрала волосы в длинный хвост. Она одела самое красивое своё платье, морского и песочного цвета, с шёлковым поясом, а на ножки туфельки. Наташа открыла окошко, и в комнатку дунул утренний ветерок. Свежесть природы. И не было суеты ни в душе, ни в городе. Ах, как всё это превосходно! Вся жизнь горела всеми красками. Наташу тянули к небу крылья. Девушка видела себя, видела мир, видела любимого. Она быстренько прибралась в своей комнате и вышла на этаж. Тишина. Что-то её вдруг снова остановило. В доме витала загадочная тишина. Что такое? Но нет! Наташа хотела развеять эту тишину и это серое одиночество. Девушка сбежала с лестницы и провальсировала, представляя Евгения рядом, до дивана и опустилась на него, закинув ногу на ногу.

В это время со второго этажа спускалась гувернантка.

– Наталья Викторовна, что такое? – Спросила она улыбаясь.

Наташа обернулась и поднялась с дивана. Она легко под-

бежала к гувернантке и сказала ей:

– Ах, Фрося, мне так хорошо! Так хорошо. Так легко, – девушка улыбалась. Наташа прокружилась и снова встала перед Фросей. – Я вся... пою. Мне нужно всё рассказать. Всё-всё! Пусть и маменька, и все знают кого я люблю! Я люблю. Ты тоже любишь, я знаю.

– Наталья Викторовна... – Фрося немного опустила голову, так что это даже было незаметно. Что-то внутри дрогнуло, но потом она впитала энергию девушки и продолжила, – Наташа, расскажите всё. Да, скажите. Сегодня же. Сейчас же.

– Да! – Вскрикнула весело Наташа. – Но, – энергия вдруг куда-то скрылась. Она подошла к Фросе и тихо сказала: – сначала я поеду к нему. Тогда мы приедем вместе, и маменька всё сама узнает и поймёт! – Энергия снова вырвалась наружу. Она так и лилась из счастливой девушки. – Поеду к нему!

Наташа быстро засеменила к выходу, а Фрося улыбочиво провожала её взглядом. Но неожиданно в дом вошла Татьяна Константиновна. Когда Фрося её увидела, то сразу же направилась в кухню. Наташа остановилась и стала смотреть на мать.

– Куда это ты, Натали? – Твёрдо спросила Татьяна, преграждая дорогу дочери.

– Мне... мне... я хочу поехать в город. Сегодня там будет по-особенному красиво, – ответила дочь. – Живём в Петербурге, а так редко гуляем в нём.

– Я поеду с тобой.

– Нет! – отрезала Наташа. – Позволь, я хочу одна. Сегодня. Лишь только сегодня.

Татьяна прошла в дом, с порога, смягчилась и ответила: «Ладно. Я тебя отпускаю». Наташа улыбнулась и обняла мать. Татьяна Константиновна тоже обхватила её стройную талию и произнесла: «Я тебя так люблю, дочка. Ты у меня единственная». Наташа поцеловала мать в щёку и вышла из дома.

Наташа мчалась по улицам. Волосы развевало на ветру. Она сразу направилась в его магазинчик, потому что сегодня он работал. Девушка вошла в магазин. Евгений как раз продавал яблоки двоим посетителям. И всё напоминало их первую встречу. Покупатели, когда на выходе увидели девушку и незаметно улыбнулись и скрылись за дверью. Она подошла к нему. Взяла его за руку и потянула из магазина. Евгений читал её взгляд. Они вышли и побежали в его дом.

Наташа и Евгений взлетели по лестнице дома и влетели в квартиру. Как и ночью, они встали около окна и стали смотреть друг на друга.

Татьяна Константиновна сидела на диване и читала книгу. Через десять минут в дом вошёл Романов. Он кивнул гувернантке, которая ходила по второму этажу, и подошёл к женщине.

– Добрый день, Татьяна Константиновна, – поздоровался,

даже поклонился, Романов. – Сегодня какой-то особенный день. Не так ли?

Он сел рядом с ней.

– Да, Борис Владимирович, сегодня особенный день, – ответила дружелюбно женщина. – Сегодня будто всё поёт и радуется. Вот Вы приехали, например, а это уже нечто особенное. Рассказывайте, что случилось?

Борис хихикнул.

– Знаете, вы так хороши, – произнёс он, а Татьяна засмущалась. – Да-да, именно хороши. Ваша душа, это отражение неба. И даже не сомневаюсь, что Ваша дочь пошла в Вас, – он улыбнулся. – А Ваша честь. Ах, несокрушима. Вы женщина-воин.

– Что? Ах-ах, Борис Владимирович, – засмеялась Татьяна Константиновна, – не льстите мне. Я знаю себя, и я не такая, как Вы меня описываете. Расскажите лучше как Вы живёте.

Борис секунду помолчал, а потом стал рассказывать, как он проводил время дома. Сказал, что успел съездить в Москву, навестить друзей. Побывать на балу у одного известного человека и сам предложил Татьяну съездить на бал, но она отказалась. Ей очень хотелось, но она решила дать отрицательный ответ, не понимая даже почему. Ещё Романов купил большую картину, но пока не знает, куда её прикрепить. Борис Владимирович подумывал, почему бы не подарить картину их. Татьяна внимательно слушала его рассказ. Он говорил, как было красиво на Дворцовой площади Пе-

тербурга, когда солнце заходило за горизонт. И тогда женщина мысленно спросила себя, почему же они так редко выходят на прогулку в город, хорошо, что дочку отпустила. Романов словно уловил мысль и спросил:

– А где Натали?

– Она сказала, что хочет пойти прогуляться по городу. Я её отпустила. Пусть. – Ответила Татьяна.

Романов улыбнулся, но уже думал, где она может быть. Борис горячо хотел спасти её. И пусть они живут богато, но девушка даже не знает образования. Не знает учения. Её нужно увезти из такой жизни.

– Вы слышали о Дежевом? – Поинтересовался Борис и сделал на лице слушающий вид.

Татьяна уставилась в одну точку и стала вспоминать. «Аркадий?» – переспросила она. Романов положительно кивнул головой. Татьяна сказала, что знала раньше. Её супруг хорошо знал его, но они редко виделись, а она лишь пару раз встречалась с ним, да и то когда была с мужем. Боженков иногда занимал у него деньги, но сразу на другой день возвращал долг. Дежевой был богатый купец. У него была большая квартира в одном районе Москвы. Хорошо жил. Некоторые люди называли его коллекционером. У него было большое количество разных картин, посуды, монет и других вещей. Он покупал и перепродавал вещи и говорил, что это очень занятное дело. На этом и разбогател. Татьяна спросила, не видел ли Борис его, но тот дал отрицательный ответ. Никто

не знал, а жив ли он ещё или уже нет. Как он вообще поживает, что делает. Вообще Татьяна про него уже почти забыла, пока Романов не озадачил её вопросом. Давно это было, да она и не упомнит уже.

– Надо бы навестить его, – сказал Романов. – Вы не хотите поехать? Старый знакомый. Хороший, кажется, человек. Может быть, он сейчас уже и не купец какой, а в правительстве сидит. Вспомните друг друга, поговорите. И Натали с собой возьмём.

Татьяна вопросительно взглянула на Бориса Владимировича. Она ещё не знала. На это нужно время.

Евгений обнял девушку, а та легко поцеловала его в щёку. Её тёплый взгляд грел его душу, а его объятия защищали её от всех невзгод. Эти двое были похожи на другую, известную пару, конец которой оказался плохим, но эти были совсем другие. Счастливые. И это чувство так и горело и пылало внутри них, вырываясь наружу. Будто весь мир припал к их ногам. Все дороги теперь словно были открыты и они могли всё, что захотят.

– А пошли на другой берег Невы? За город. – Предложила Наташа и посмотрела на него. – Там будет так хорошо.

– Ты и я и всё, – продолжил Евгений. – Природа и покой. А что ещё нужно нам? – Наташа, улыбаясь, покрутила, из стороны в сторону, головой. – Пойдём же.

Евгений потянул её из квартиры, и они вышли на улицу.

Она радостно смеялась, радовалась, а он вёл её, как полководец, и тоже улыбался. Они пересекли бегом несколько улиц, домов, людей. Люди были какие-то спокойные, от них исходило внутреннее напряжение, но когда кто-нибудь замечал пару, то невольно начинал улыбаться, сам того не замечая. Любой прохожий был работником, просто прогуливающимся или путешественником. Прелестные наряды не смущали Наташу, не смотря на то, какое на ней было надето платье. Оно совсем не советовало хорошему обществу, но девушка этого не замечала. А рубаха и старые брюки Евгения тоже выдавали его положение. Некоторые говорили: «Что за вздор. Было бы получше. Кто они такие?», но пара не слышала и не замечала никого кроме них. Они бежали вместе, всё время, держась за руки, прочь из города. Из этой суеты, напряжения, темноты и высшего общества. Они были счастливы. Мимо Наташи проносились деревья, дома, время и всё было растянuto, но чёткий вид имел только он. Евгений крепко держал её руку. Он слился с ней, он вёл её на самое красивое место загородного Петербурга, куда водил его отец, когда Женя был ещё совсем маленьким. Именно те виды и запомнились Евгению навсегда.

Романов, кажется, не торопился никуда уходить, хотя Татьяна начинала испытывать стеснение при виде его долгого созерцания. Он не отрывал глаз женщины, а она просто отворачивалась и думала, куда могла пропасть Фрося.

– Наташа такая хорошая девушка, – произнёс Борис.

Татьяна Константиновна даже и не ожидала такого услышать. Она предполагала, что он может это сказать, но не ждала этого в реальности. Эти слова звучали из его уст так нежно, так красиво, так приятно. Татьяну будто облило лучами солнца и тепло разлилось по всему телу. Слова, какие слова.

– Моя дочь, это слияние меня и моего супруга. Право, девушка хорошая. Хотя воспитание ещё требует работы, – сказала Татьяна и выпрямила спину. Она стала такой важной и сильной. Романов рядом с ней просто померк.

– Право, Татьяна Константиновна, оно и так прекрасно. Я о её воспитании, – уточнил он, а женщина понимающе кивнула. Она сложила руки на коленях. – Натали сродни ограниченному алмазу, который уже родился таким. Поверьте мне, я человек, который видит её со стороны.

– Позвольте, – перебила Татьяна, – я тоже не дышу её лёгкими.

– Да-да, но я же не о том. Я не родной ей человек, я её друг. Человек, который может в любую минуту помочь ей. Ах, она так хороша. Ну как же такому человеку невозможно не помочь? Что за вздор! Да никогда, – Романов встал и большими глазами посмотрел на женщину, которая всё ещё сидела. Она так же смотрела и на него. Её глаза говорили: «Что?!», в то же время можно было сказать, что женщина не осознавала происходящее. – Знайте, Татьяна Константиновна, – Романов встал перед ней на одно колено и взял её за

руки, – если Натали что-то захочет, и если Вы не сможете ей этого дать, то всегда есть я. Я помогу ей! Я спасу её. Я буду всегда рядом с ней, всегда буду смотреть за ней, но не как за животным, а как за любимой девушкой.

Татьяна словно онемела. Голос куда-то пропал, и она только открывала рот. Как? Что? Пусть он и увезёт её, причём не только он этого хочет, но только за лучшей жизнью. Женщины резко смягчилась. Она бегала глазами по полу, в поисках ответа.

– Но... но Борис Владимирович, Вы должны понять меня. Как словно отпустить её. Одно дело в город гулять, а другое куда-то дальше, – чувственно сказала Татьяна.

– Татьяна Константиновна, Вы уверены, что Натали сейчас гуляет по городу. Право, как Вы думаете, где? – спросил загадочно Борис Владимирович.

Женщина подняла на него глаза. Они были одновременно спрашивающими, удивлёнными и испуганными. А ведь она действительно не знала, где была её дочь.

Евгений привёл Наташу на самое красивое место реки. Это был небольшой обрыв, а Нева блистала синей водой. Девушка поразилась таким видам. Такая природа. Нева уходила вдаль, а, как жаль, девушка не могла полететь и посмотреть, куда же она уходит. В какую даль. Евгений стоял позади и следил за реакцией девушки, одновременно вспоминая своё детство. Наташа закружилась, как на балу. Платье под-

нималось и опускалось, туфельки сверкали на солнце, она распустила волосы, и они развивались на ветру. Вокруг была такая небесная тишина, только они и больше никто. Никто не знал, что они были здесь. Наташа улыбалась и светила. Евгений тоже получал удовольствие только от её вида, и от всего этого места. Лёгкий, свежий ветерок, тёплое солнышко, пара облаков на голубом небе, зелёные живые деревья, прозрачная вода, которая синела к глубине и мягкая приятная трава.

Наташа скинула обувь и подошла к Евгению.

– Здесь так прекрасно, так красиво, – нежно и радостно говорила молодая девушка, – мне так приятно, что ты привёл меня сюда. Если бы я знала, мы бы каждый день приходили на берег. И это было бы наше тайное место. Где нет людей, нет суеты и нет времени. А только мы, наедине с природой. Евгений...

– Наташа, скажи снова. Скажи только это. – Тихо произнёс он.

Наташа произнесла: «Я люблю тебя» и они нежно поцеловались.

Глава 11

Евгений не мог оторвать от неё взгляда. Она будто проникла в его душу, а он в её. Да, они были по-настоящему едины. Их внутренний свет затмевал всё вокруг. Сами их глаза светились чувствами. Что же?... молодые, влюблённые и

всё им нипочём было. Ах, как это прекрасно, когда эти двое стояли рядом! И даже ночью они заменяли себе солнце.

Наташа погладила его по щеке и обняла его, прислонившись головой к его груди. Он заключил её в свои объятия и поцеловал в голову.

– Здесь так красиво, – сказала она, смотря на горизонт. – Так бы и осталась здесь... навсегда.

– Мы будем приходить сюда каждый день. Пусть это будет наше тайное место? Ты хотела.

Наташа улыбнулась и закрыла глаза. Так они простояли пять минут. В полном одиночестве. И лишь дуновения ветра и звуки воды могли нарушить их спокойствие, хотя даже они не могли этого сделать. Лучи солнышка грели землю.

Девушка выпорхнула из его рук и побежала по зелёной траве. Кружилась и смеялась. Евгений помчался за ней. Он подхватывал её, поднимал и улыбался. Когда они были рядом, тогда просто не было места для скуки и грусти. Улыбка сияла, смех разгонял тоску, а их соединённая жизнь грела всю землю. Казалось, что они – это есть счастье в плоти.

Они бегали и веселились, как маленькие детишки, которые не знают горя, грусти, скуки и несчастья. Этим двоим было несказанно легко и хорошо. Наташа подошла к Евгению и остановила его.

– Я так долго ждала этого, – заворожённо от чего-то начала она, – скажи мне, Женя, как это так? Что это значит всё?

– Наташенька, это значит любовь, – ответил Евгений и

улыбнулся ей. – А скажи ты мне, что для тебя важнее всего в мире?

Девушка немного сковалась, но всё же ответила: «Ты».

– А что для тебя солнце, которое светит с неба людям? – Продолжал спрашивать он.

Наташа не понимала. Какие-то другие мысли приходили ей на ум, но свои оставались при ней. Она снова ответила: «Ты».

– А какая для тебя луна? Какая она?

– Словно твои глаза, – сказала Наташа, – такие же серебристые и яркие.

– А что для тебя...

Девушка поставила палец к его губам и Евгений замолчал. Он купался в её глазах, в её сияющих глубоких глазах. Девушка подошла ближе и тихо спросила: «А что для тебя любовь?». Евгений убрал её руку от своих губ, смотрел ей в глаза, и ответил, так же тихо: «Ты». Наташа радостно засмеялась, а Евгений подхватил её и стал кружить в воздухе. Её волосы напоминали морские волны, которые то поднимаются, то снова опускаются и сравниваются с гладью. Потом он поставил её перед собой и молча глядел на её лицо. Оно было таким нежным, таким лёгким, таким красивым, так бы он и стоял долго-долго глядя на неё. Лишь один взгляд друг на друга и они уже не в силах оторваться друг от друга. Теперь ничто не в состоянии разрушить их жизнь. Никакая беда, никакие страдания и слёзы, никакие недруги в злые языки.

Они просто не станут обращать на всё это внимания и будут смотреть друг на друга. Солнце им указывает дорогу, а луна освещает их тайный жизненный уголок. Днём они рады и веселы, а ночью, при белом свете светила, вместе и греются в тёплой кровати. Ничто, ничто не может разлучить их живые, горячие и молодые сердца!

Евгений медленно опускается на одно колено и держит руку Наташа. Девушка почти не осознаёт происходящее наяву. Она просто стоит и смотрит на него. Евгений достаёт из кармана старых поношенных брюк два маленьких травяных колечка, которые он незаметно сделал, пока она бегала по траве и отдыхала. Он начал что-то говорить, но девушка будто и не слышала слов, а только чувствовала и где-то глубоко всё ясно понимала. Он говорил-говорил, а когда закончил и спросил заветные слова, то у Наташи подкосились ноги, но она удержалась. Она сказала: «Да». Евгений поднялся на ноги и надел травяное кольцо ей на правый безымянный палец. Наташа почти не дышала. Она бездумно, улыбаясь губами, смотрела на колечко. Потом она взяла второе кольцо и тоже начала произносить слова. Евгений положительно ответил.

Наташа надела на его руку кольцо, но не отпускала его руку. Сердце стучало в груди, а ноги так и отрывались от земли, чтобы она взлетела ввысь. Всё было как в тумане. Влюблённые взглянули друг другу в глаза. Выстрел. Громкий звук, откуда-то издалека, выстрела из пистолета. Евгений мирно продолжал стоять, но потом он начал падать на землю. На-

таша потерялась. Когда он был уже на земле, она упала на колени рядом с ним и заплакала. Она кричала: «Женя! Женя! Что с тобой?... Что с тобой?», но он не мог ответить. Евгений последний раз посмотрел на Наташу, тихо прохрипел что-то непонятное, и замер. Навсегда. Девушку всё терзало изнутри. Она рыдала. Она умоляла его подняться и говорить с ней, но он уже не дышал. Наташа невольно взглянула в сторону, откуда донёсся звук выстрела. Вдалеке стоял Григорий Павлович Релицкий.

Наташа сразу не поверила глазам. Она долго не верила в то, что это был он. Девушка начинала успокаиваться, но слёзы продолжали бежать из молодых глаз. «Женя... Женя... Женя... Я люблю тебя. Пожалуйста, не оставляй меня. Женя. Евгений!» – повторяла Наташа и нависала над его телом. Она всё ещё слышала его лёгкое дыхание, его тёплое прикосновение, его звучный голос и слова. Но он уже был мёртв. Наташа не могла это так оставить, но в то же время ничего не могла и сделать. «Разве можно тебя поднять и оживить? Воскресить? Женя... Прости. Прости меня! Стоило рассказать всё раньше. Давно, ещё при первой встрече...» – Наташа говорила и говорила, но не могла кричать, потому что понимала, что истерикой ничего не изменит. И вообще уже ничего не изменить, а Релицкий стоял и наблюдал, как девушка подле на коленях плачет над трупом любимого человека. До сих пор он не понимал, что на самом деле является убийцей.

«Зачем Вы пришли к нам посреди тихой мирной и спящей

ночи? ... И как Вы вообще смогли пройти к нам? ... только лишь спрошу ... Григорий, скажите, Вы умеете любить? ... Вы не знаете чувств ... Вы не понимаете, что любовь купить невозможно ... нужно чувствовать, ощущать и видеть ... А Вы? Вы покупаете...» – эти слова, которые ночью при их встрече произносила Наташа, звучали в его голове. Они будто заново ударяли по сердцу Григория. Он стоял и смотрел на них. На её. «Какая бедняжка. Мне даже её жаль» – мысленно сказал Релицкий. Он продолжал крепко сжимать пистолет в правой руке. Несколько минут спустя задул сильный холодный ветер. Откуда-то взялись на чистом небе облака и закрывали, и снова показывали яркое солнце. Вся листва на деревьях и кустах зашелестела. Природа кричала. На горизонте показались синие тучи, и тихо гремел тяжёлый гром. «Простите ... но мне никогда не быть ни Вашей ... Уходите ... Можете из моей жизни...» – слова начинали звучать громко, будто Григорий вернулся обратно в ту ночь. Наташа по-прежнему плакала над телом и что-то говорила. Она то поднимала голову к небу, то снова опускала её вниз. «Я люблю другого! ... Не заставляйте меня плакать...» – последнее, что прозвучало в голове и мысли утихли.

Наташа поднялась с колен и медленно, словно призрак, безмолвно и без всяких эмоций пошла в сторону Релицкого. Проходя мимо, она на минуту остановилась около него, подняла свой пустой взгляд на его омерзительное, для неё, лицо и произнесла: «Зачем?». Релицкий не сдвинулся с места

и продолжал смотреть на тело Евгения. Он выпустил из руки пистолет и ответил: «Я люблю Вас». Наташа лишь тяжело вздохнула – в этом вздохе мимолётно прозвучало какое-то слово, но оно было непонятным; или «Нет», или «Никогда», или это было «Уходи. Завтра я Вас забуду» – и прямо пошла дальше. Глубоко-глубоко в душе Наташи всё рушилось. Весь тот мир, который они построили вместе с Евгением. «Евгений, милый мой, – говорило её сердце, отдаваясь эхом в сознании, – я не хочу жить одна, без тебя... Я ещё люблю тебя. Я буду любить тебя вечно. Всегда. Всегда... Я никогда тебя не забуду. Не подниму взгляда ни на кого, а только лишь буду вспоминать тебя. Прости меня. Я люблю тебя, Женя».

Релицкий будто не дышал. Он опустился на колени и смотрел на бездыханное тело её любимого человека. Мысли кружились чёрным роем в голове, но только одна мысль была недостижима. Его взгляд упал на пистолет.

Когда Наташа, словно призрак, вплыла в дом, то сразу направилась в свою комнатку. Около дивана в гостиной стояла Татьяна Константиновна, а около неё какой-то незнакомый Наташе мужчина. Мать и незнакомец стояли и весело разговаривали.

– Доченька, – позвала радостно женщина, – Натали, это твой дядюшка и мой младший брат. Он приехал из Риги, это ему я тогда писала письмо.

Наташа не повернулась к ним.

– Я любила его. – Тихо произнесла девушка.

– Что ты там говоришь? Подойди же к нам. – Сказала Татьяна и протянула руку в её сторону.

– Нет. Люблю.

Тогда Татьяна Константиновна быстро, с материнской нетерпеливой улыбкой, подошла к дочери и спросила её, так чтобы брат не услышал:

– О чём ты говоришь? Кого ты любишь?

Девушка посмотрела на лицо матери. Слезы то накатывали, то снова уходили вглубь.

– Женю. Мама. – Ответила она.

Татьяна набрала воздуха, она сразу поняла про кого говорит дочь, и на выдохе сказала:

– Уварова? Наташенька, ты же знаешь, что...

– Нет, мама! Я всегда уходила к нему по ночам. Когда ты спокойно спала, я уходила к нему. Долго всё это было тайной, но теперь ты знаешь. Только поздно. Мама, если бы я рассказала раньше тебе обо всём.

– Я... я не понимаю о чём ты. – Глаза женщины забежали по дочери и полу. – Ты ночью выходила из дома, чтобы встретиться с ним?

Наташа незаметно кивнула головой. Татьяна прямо смотрела на неё удивлёнными глазами. Они молчали. Мужчина так же всё ещё стоял около дивана и ждал обратно сестру Татьяну.

Наташа спокойно поднималась по лестнице, а Татьяна

продолжала смотреть в пустоту.

– Романов снова спрашивал, – начала Татьяна Константиновна, – про твой уезд в Москву, ты...

Наташа развернулась к матери и твёрдо сказала:

– Мама, скажи, что я поеду.

Для создания обложки использована художественная работа автора